

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРЕССА в ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

перевод с немецкого

Петроград: государственное издательство. 1919

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2012

Другие работы автора в нашей библиотеке:

Политические кофейни: парижские силуэты
времен Великой французской революции

Борьба классов и партий в Великой французской революции

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
Введение.	3
1. Расцвет парижского газетного издательства въ 1789 г.	11
2. Роялистско-аристократическія газеты	20
3. Газеты умѣренно конституціонныхъ группъ.	33
4. Жирондистская печать	42
5. Камилль Демуленъ.	69
6. „Другъ Народа“ Марата.	84

Французская пресса въ первые годы Великой революціи.

Ни одно историческое событіе новаго времени не послужило предметомъ такого множества изслѣдованій, какъ мощная революціонная драма во Франціи въ концѣ восемнадцатаго столѣтія. Историки всѣхъ націй пробовали свои силы на разработкѣ этого исполинскаго матеріала, и, наряду съ изображеніями общаго хода этого величественнаго народнаго движенія, появлялись, со времени паденія первой наполеоновской имперіи, безчисленные монографіи объ отдѣльныхъ сторонахъ и явленіяхъ Великой революціи — о парламентскихъ преніяхъ, о засѣданіяхъ революціонныхъ клубовъ, о состояніи церкви, нравовъ, хозяйства, права и полиціи того времени, о веденіи войнъ революціонными арміями и т. д. Къ этимъ монографіямъ присоединяется все возрастающій потокъ мемуаровъ, необозримое множество автобіографій, воспоминаній, дневниковъ, путевыхъ замѣтокъ, собраній писемъ и т. д., — исполинскій матеріалъ, добросовѣстная обработка котораго уже сейчасъ превышаетъ силы отдѣльнаго историка, даже если бы онъ посвятилъ этому всю свою жизнь.

Несмотря на такое богатство матеріала, большіе труды, дающіе картину революціи въ цѣломъ, оставляютъ

желать очень многого, — особенно, если их разсматривать съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. Не въ томъ главный ихъ недостатокъ, какъ это часто утверждали, что сужденія разныхъ историковъ о политическихъ дѣйствіяхъ и политическихъ дѣятеляхъ сплошь и рядомъ рѣзко противорѣчатъ другъ другу. Послѣдствія французской революціонной драмы имѣли слишкомъ сильное вліяніе на всю политическую жизнь послѣдняго столѣтія, чтобы такіе, напримѣръ, историки, какъ Карлейль и Луи Бланъ, Мишле и Зибель, Тьеръ и Тэнъ, даже если-бъ они и не ретушировали умышленно, не пришли, въ силу ихъ различныхъ политическихъ индивидуальностей, къ очень несходнымъ историческимъ концепціямъ. Гораздо болѣе серьезнымъ является тотъ недостатокъ, что историками просто оставлены безъ изученія цѣлыя области революціоннаго движенія, и какъ разъ очень важныя. Историки видятъ только революціонное волненіе поверхности. Для нихъ революція почти исчерпывается парламентской борьбой и партійными интригами, народными возстаніями и битвами революціонныхъ армій. Клопочущія подъ поверхностью вулканическія массы ихъ интересуютъ лишь постольку, поскольку онѣ, время отъ времени, уличными демонстраціями, шествіями и возстаніями даютъ исходъ своей ярости.

Гдѣ, напр., въ какихъ большихъ сочиненіяхъ по исторіи Французской революціи найдемъ мы сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія о хозяйственномъ состояніи Франціи передъ 1789 годомъ, т.-е. не только свѣдѣнія о состояніи ея финансовъ, но и объ экономическомъ положеніи различныхъ трудовыхъ слоевъ населенія, особенно крестьянства и цеховыхъ и нецеховыхъ парижскихъ ремесленниковъ? Гдѣ найдемъ мы сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія объ экономическихъ различіяхъ между Парижемъ и торговыми городами юга и юго-

запада; гдѣ найдемъ мы хотя бы въ нѣкоторой степени обстоятельное изслѣдованіе хозяйственной и налоговой политики революціонныхъ правительствъ и ея вліянія на различные классы? Имѣется нѣсколько монографій по этимъ вопросамъ; большія же историческія сочиненія эти вопросы почти совершенно обходятъ; а, между тѣмъ, безъ знанія экономическихъ отношеній того времени нельзя понять великую массовую борьбу въ концѣ XVIII ст. Конечно, со времени появленія въ 1824 г. труда Минье „Исторія Французской революціи“, его взглядъ, что Французская революція, въ существенномъ, была борьбой между дворянствомъ, духовенствомъ и „третьимъ сословіемъ“, буржуазіей, успѣлъ сдѣлаться общимъ мѣстомъ въ историческихъ сочиненіяхъ. Но и съ этимъ схематическимъ пониманіемъ мы далеко не уйдемъ, даже если, по примѣру нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ, будемъ дѣлать „третье сословіе“, въ свою очередь, на зажиточную буржуазію, представленную жирондистами, и широкую яacobинскую массу. „Третье сословіе“ уже при первомъ своемъ политическомъ выступленіи не было чѣмъ-то единымъ, однороднымъ, а представляло конгломератъ различныхъ имущественныхъ группъ съ разнородными интересами, и чѣмъ больше ослабѣвало сопротивление дворянства и связаннаго съ нимъ высшаго духовенства тѣмъ явственнѣе выступали присущія буржуазіи противорѣчія интересовъ. Но на это классовое разслоеніе „третьяго сословія“ и лежащую въ основаніи его экономическую структуру не обращается почти никакого вниманія въ исторіяхъ Французской революціи. И даже среди монографій мнѣ извѣстна только одна работа, которая, по крайней мѣрѣ, даетъ толчокъ въ этомъ направленіи, это — „Классовыя противорѣчія 1789 года“ К. Каутскаго. Получается то, что даже въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ революціоннаго времени борьба между

различными партіями, между жирондистами, дантонистами, робеспьеристами, маратистами, гебертистами и т. д., рисуется не какъ слѣдствіе опредѣленныхъ классовыхъ группировокъ и проистекающей отсюда противоположности интересовъ, но какъ результатъ соперничества и честолюбія отдѣльныхъ личностей.

Отчасти этотъ недостатокъ обусловливается тѣсной связью нашей настоящей исторической эпохи съ революціоннымъ временемъ. Классовая борьба французскаго общества въ концѣ восемнадцатаго столѣтія во многихъ отношеніяхъ не что иное, какъ предтеча, въ извѣстномъ смыслѣ, почти, можно сказать, вступленіе къ современной социальной борьбѣ. И эта связь между обѣими эпохами напередъ опредѣляетъ отношеніе нашихъ буржуазныхъ историковъ къ революціи; они смотрятъ на борьбу партій въ революціонной драмѣ подѣ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія. Въ зависимости отъ того мѣста, какое историкъ самъ занимаетъ среди борющихся современныхъ социальныхъ силъ, тѣ политическія требованія французскихъ революціонныхъ партій, которыя выходятъ за предѣлы его собственной программы, будутъ ему, естественно, казаться доводящими до крайности опредѣленные принципы преувеличеніями,—если не просто „безумствами“,—вызванными грубыми инстинктами расхолодившагося народа. Но при такомъ взглядѣ на радикальныя стремленія, какъ на нѣчто аномальное, какъ на „болѣзненныея проявленія народной фантазіи“, становится прямо невозможнымъ изслѣдованіе, задача котораго найти причинную связь между указанными стремленіями и условіями жизни, общественными условіями существованія низшихъ революціонныхъ народныхъ слоевъ. А, между тѣмъ, въ указаніи этой связи именно и заключается ихъ историческое оправданіе.

И это только логически послѣдовательно. что въ

крупнѣйшихъ консервативныхъ и либеральныхъ трудахъ о Французской революціи почти совершенно отсутствуетъ изслѣдованіе классовыхъ противорѣчій въ „третьемъ сословіи“, что въ большинствѣ сочиненій революціонная драма сводится къ простой игрѣ парламентскихъ столкновеній и интригъ, а собственно народъ только по временамъ появляется на политической сценѣ, въ качествѣ мятежной ватаги, послушно выполняющей приказы якобинскихъ парламентскихъ вождей.

Вторая ошибка лежитъ въ сплошь и рядомъ совершенно непсихологичномъ использованіи богатой литературы мемуаровъ. Мемуары исторической личности, изображающей свое участіе въ политической борьбѣ, цѣнны, главнымъ образомъ, лишь какъ матеріалъ къ характеристикѣ самого автора, а не для характеристики другихъ и менѣе всего его политическихъ противниковъ. Мемуары, это, большею частью,—не что иное, какъ прикрашенные автобіографіи, ибо авторъ въ нихъ выставляетъ себя не такимъ, каковъ онъ есть, а какимъ желалъ бы казаться будущимъ поколѣніямъ; въ лучшемъ случаѣ, если онъ постарается устранить все то, что ему самому покажется украшающимъ обманомъ, онъ изобразитъ себя такимъ, какимъ онъ себя воображаетъ. Но его сужденія о другихъ, особенно о врагахъ, еще менѣе надежны. И даже при полномъ отсутствіи намѣренія исказить истину его сужденія о другихъ показываютъ только, какъ авторъ себѣ представлялъ изображаемаго, сообразно своему характеру, на свой ладъ, а не то, каковъ былъ изображаемый въ дѣйствительности. Мы и видимъ, что одна и та же личность, даже внѣшность ея—въ различныхъ мемуарахъ рисуются совершенно различно. Историки, однако, часто безъ всякой серьезной критики пользовались подобными характеристиками для созданія своихъ такъ называемыхъ

портретовъ. Особенно въ этой области отличился Карлейль, а еще больше Тэнъ. У Тэна сходили за вполнѣ достовѣрные документы даже всякія сплетни, поставляемыя дамскими революціонными салонами; онъ не только широко пользовался ими для своихъ характеристикъ, но, когда онъ находилъ это нужнымъ, еще дополнялъ ихъ своими соображеніями.

Однако, то обстоятельство, что историки при изученіи революціи ограничиваются изображеніемъ парламентскихъ битвъ, законодательными актами и предписаніями, дѣятельностью клубовъ и народными возстаніями, не слѣдуетъ сводить исключительно къ ихъ политико-историческимъ взглядамъ; оно объясняется, по крайней мѣрѣ отчасти, значительной трудностью полученія матеріала, необходимаго для изученія настоящаго народнаго движенія, происходившаго подъ поверхностью парламентской дѣятельности. Въ то время, какъ къ услугамъ историковъ перваго рода имѣется богатѣйшій матеріалъ (отчасти даже собранный въ сборники) во всѣхъ крупныхъ университетскихъ и публичныхъ библіотекахъ, для основательной исторіи революціонныхъ народныхъ и партійныхъ теченій за время 1789—1794 годовъ еще только приходится съ большими трудностями собирать матеріалъ въ различныхъ мѣстахъ. Многое еще лежитъ подъ спудомъ въ архивахъ или же имѣется только въ большихъ парижскихъ библіотекахъ и въ лондонской библіотекѣ. Пользованіе этимъ матеріаломъ требуетъ денегъ и времени, а этимъ располагаютъ лишь немногіе.

Къ этимъ, въ высшей степени цѣннымъ матеріаламъ, прежде всего, относится громадная газетная и памфлетная литература революціонныхъ годовъ, использованная даже лучшими историками лишь въ слабой степени — главнымъ образомъ, лишь въ той ея части,

которая была перепечатана въ сорокатомной „Histoire parlementaire de la Révolution française“ Roux и Buchez или въ двухтомной „Histoire des Journaux et des Journalistes de la Révolution française“ Léonard'a Gallois. Но какъ ни цѣнна работа Галлуа, для нашей задачи она мало полезна, такъ какъ главная цѣль его сочиненія — опредѣлить философско-идейное содержаніе тогдашней періодической печати и, во-вторыхъ, дать оцѣнку талантовъ и стиля, — другими словами, дать литературную характеристику наиболѣе выдающихся журналистовъ. Для исторіи Великой революціи въ насмѣ смыслѣ болѣе важны произведенія, характеризующія партійныя различія и дѣятельность партій, классовыя противорѣчія того времени.

О значеніи этой литературы говоритъ уже то, что въ первые два года Революціи въ одномъ Парижѣ возникло до 300 газетъ, среди которыхъ, правда, было много маленькихъ листковъ, часто послѣ нѣсколькихъ номеровъ прекращавшихъ свое существованіе. Несмотря на это, эта пресса представляетъ собой важный матеріалъ для ознакомленія съ народнымъ броженіемъ и его различными теченіями. Въ этой литературѣ пульсъ революціонной жизни бьется несравненно острѣе и полнѣе, чѣмъ въ парламентскихъ преніяхъ. Тутъ не только тонъ свѣжѣе и смѣлѣе; вопреки всякой фразеологіи о свободахъ, здѣсь далеко сильнѣе проявляются противорѣчія различныхъ мнѣній и дѣйствительныя, основныя причины стремленій разныхъ партійныхъ группъ. Парламентскіе дебаты такъ же относятся къ этой литературной разногласицѣ, какъ отстоявшійся экстрактъ къ кипящей смѣси.

Довольно скоро во французскомъ Національномъ Собраніи пріобрѣла господство остроумная риторика, условная рутинная; и, благодаря тому, что ораторы стре-

мились приноровиться къ этимъ парламентскимъ условностямъ, ихъ рѣчи оказывались часто поверхностными и шаблонными. Когда сравниваешь журнальныя статьи партійныхъ вожаковъ, одновременно бывшихъ депутатами и журналистами, съ ихъ парламентскими рѣчами, то нельзя отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что идейное содержаніе ихъ риторики гораздо ниже содержанія ихъ журнальныхъ статей. вмѣсто часто очень мѣткого изображенія положенія вещей, оцѣнки политическаго момента, анализа различныхъ политическихъ и экономическихъ интересовъ, которые мы находимъ въ печати, въ парламентскихъ преніяхъ выработалась особая форма призыва ко всевозможнымъ свободобивымъ принципамъ, подъ которыми каждый понималъ нѣчто другое.

Очень многое изъ этой литературы не имѣетъ въ настоящее время абсолютно никакой цѣнности, — чистый продуктъ дня, оно еще безцвѣтнѣе и незначительнѣе всего того, что нынѣ наводняетъ газеты. Однако, чтобы понять всю цѣнность заключающагося здѣсь матеріала, нужно себѣ только представить, что черезъ сто лѣтъ какой-нибудь историкъ предприметъ изслѣдованіе современнаго соціалистическаго движенія и при этомъ ограничится изученіемъ парламентскихъ докладовъ, наиболѣе крупныхъ научныхъ соціалистическихъ произведеній, протоколовъ партійныхъ съѣздовъ и отчетовъ партійныхъ правленій, — современные же намъ разные журналы, газеты и мелкія брошюры оставить безъ вниманія. Такой историкъ едва ли пойметъ настоящую жизнь партіи съ ея повседневной борьбой.

Исчерпывающая оцѣнка этой обширной журнальной литературы Французской революціи и ея значенія для исторіи того времени невозможна въ еженедѣльникѣ, не предназначенномъ для спеціальныхъ истори-

ческихъ изслѣдованій *). Я думаю выполнить это въ особомъ трудѣ. Здѣсь я долженъ ограничиться краткой характеристикой нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ изданій.

1. Расцвѣтъ парижскаго газетнаго издательства въ 1789 г.

Когда въ ноябрѣ и декабрѣ прошлаго 1905 года революція въ Россіи, казалось, одержала побѣду, русскими политическими дѣятелями овладѣла форменная издательская горячка. Всюду нарождались новыя газеты и газетки съ эффектными названіями; часто въ нѣсколько недѣль онѣ достигали большого тиража. То же явленіе наблюдалось во Франціи, когда въ 1789 году собрались генеральныя штаты.

До ихъ созыва въ Парижѣ имѣли значительный кругъ читателей только слѣдующія газеты: „Gazette de France“ — старѣйшая, основанная еще въ 1631 году, „Mercure de France“, „Journal politique“ и „Journal de Paris“. Кромѣ этихъ изданій было еще нѣсколько газетокъ, но онѣ не имѣли никакого политическаго значенія; онѣ почти исключительно занимались литературными и мѣстными сплетнями.

Засѣданія генеральныхъ штатовъ вызвали необычайную потребность въ чтеніи. Каждый, даже мелкій парижскій лавочникъ, который до того самое болѣе интересовался событіями въ его округѣ, хотѣлъ быть въ курсѣ дѣла относительно совѣщаній государственныхъ штатовъ и дебатиремыхъ тамъ вопросовъ. Парижское населеніе охватила бѣшенная страсть къ чтенію, и оттуда распространилась на большіе города въ провинціи.

Почти ежедневно основывались новыя газеты; въ одномъ Парижѣ количество газетъ, возникшихъ за

*) Статья Г. Кунова была напечатана въ „Neue Zeit“ за 1906 годъ.

время съ мая до конца 1789 г., превысило 150. Среди нихъ было, конечно, не мало крошечныхъ еженедельниковъ маленькаго формата—въ $\frac{1}{2}$ или даже $\frac{1}{8}$ листа—скверно отпечатанныя изданія, которыя гораздо болѣе напоминаютъ выпускаемые въ настоящее время различными политическими и религіозными обществами маленькіе летучіе листки и брошюрки, чѣмъ наши современныя ежедневныя изданія.

Хороводъ открылъ Бриссо де-Варвилль, который еще въ 1784 г. издавалъ въ Парижѣ маленькое литературное обозрѣніе — „Journal du Lycée de Londres“. Уже въ половинѣ апрѣля 1789 г. онъ опубликовалъ программу газеты, названной имъ „Le Patriote français“; во главѣ этого проспекта красовался эпиграфъ: „Свободная газета — сторожевой постъ, неустанно оберегающій народъ“. Въ своемъ проспектѣ онъ обѣщаетъ просвѣщать всѣхъ французовъ „за небольшую плату и по легкому, неустойчивому методу“. Но планъ Бриссо тогда не могъ еще быть выполненъ. Цензура запретила проспектъ и выпускъ дальнѣйшихъ подобныхъ зажигательныхъ листовъ, вслѣдствіе чего Бриссо отложилъ свое изданіе.

Мирабо оказался энергичнѣе. Онъ тоже въ началѣ мая выпустилъ проспектъ новой газеты, которая, какъ онъ заявлялъ, поведетъ „борьбу за конституцію, отечество, свободу и истину“. 4-го мая уже появился первый номеръ, на слѣдующій день 2-й его „États Généraux“—газеты, въ которой Мирабо хотѣлъ давать регулярный критическій обзоръ засѣданій генеральныхъ штатовъ. Но уже за 2-мъ номеромъ послѣдовало запрещеніе. Въ этомъ номерѣ Мирабо критиковалъ рѣчь Неккера о финансовомъ положеніи, — далеко не рѣзко, наоборотъ, по нашимъ понятіямъ, скорѣе, очень мягко, — но высокомѣрие Неккера не переносило и такой умѣренной критики

Но Мирабо былъ не такой человекъ, котораго можно было бы запугиваніемъ заставить отказаться отъ преслѣдуемаго имъ плана. Онъ только измѣнилъ заглавіе и выпустилъ свою газету, какъ „Lettres du comte de Mirabeau à ses commettants“ („Письма гр. Мирабо къ его избирателямъ“). Въ первомъ же номерѣ онъ горячо напалъ на запрещеніе перваго изданія. „Предъ лицомъ народныхъ представителей осмѣливаются“, говоритъ онъ, „издавать такого рода придворные декреты, которыми нарушаются священнѣйшія права. 25 милліоновъ голосовъ требуютъ свободы печати. Народъ, самъ король требуютъ дружнаго дѣйствія всѣхъ силъ. Какой же смыслъ имѣетъ это министерское запрещеніе? Министерство, которое чванится своей популярностью, безстыдно осмѣливается держать мысль подъ замкомъ и затворомъ, покровительствовать лжи, а съ распространеніемъ правды поступать какъ съ контрабандой“.

Рѣзкій отпоръ, данный Мирабо, возымѣлъ успѣхъ. Правительство не осмѣлилось на новое запрещеніе*), и газету брали нарасхватъ. Уже второй номеръ „États Généraux“ разошелся въ количествѣ 12.000 экземпляровъ; первый номеръ „Lettres“ былъ раскупленъ въ еще большемъ количествѣ. Въ промежутки въ пять, шесть, восемь дней Мирабо выпустилъ слѣдующіе 19 номеровъ своихъ „Lettres“; когда дальнѣйшее существованіе „Lettres“ казалось упроченнымъ — регулярный тиражъ достигъ 20.000 экземпляровъ — онъ снова пе-

*) Безъ сомнѣнія, поведеніе парижской буржуазіи содѣйствовало этому больше, чѣмъ смѣлая отвѣдь запрещенію, данная Мирабо. Собраніе парижскихъ избирателей третьяго сословія приняло, по предложенію Тарже, резолюцію, выражающую протестъ противъ запрещенія; эта резолюція была одобрена всѣми присутствовавшими, не исключая и Мармонта.

ремениль заглавіе, назвавъ свою газету „Gourrier de Provence“.

Успѣхъ Мирабо внушалъ мысль о новыхъ изданіяхъ. Среди послѣднихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія издававшійся le Hodey de Saultchevreuil'емъ „Journal des États“, впослѣдствіи переименованный въ „Journal de l'Assemblée nationale“ („Журналъ Національнаго Собранія“) и затѣмъ „Point du Jour“ („Порядокъ дня“), издававшійся Бареромъ де-Вьесакомъ, депутатомъ отъ графства Бигоръ, впослѣдствіи президентомъ Конвента и сочленомъ Комитета общественнаго спасенія. Газета эта съ іюня до сентября 1789 года пользовалась извѣстнымъ вліяніемъ, благодаря тому, что всегда давала самыя вѣрныя свѣдѣнія о засѣданіяхъ Національнаго Собранія. Способности докладчика, котораго Бареръ доказалъ впослѣдствіи въ Конвентѣ и какъ референтъ Комитета общественнаго спасенія, обнаруживаются уже въ его „Point du Jour“. Онъ искусно отдѣлялъ существенное отъ второстепеннаго, нѣсколькими штрихами умѣлъ обрисовать положеніе и настроеніе и передать изъ преній наиболѣе важное, не растягивая чрезмѣрно отчетовъ. Большею частью они занимаютъ только отъ 6 до 8 страницъ in octavo, и только отчеты объ особенно важныхъ засѣданіяхъ занимали отъ 12 до 16 страницъ.

Между тѣмъ, какъ въ большей части изданій того времени отчеты о засѣданіяхъ Національнаго Собранія имѣли очень партійную окраску, въ гораздо большей мѣрѣ еще, чѣмъ отчеты нашихъ теперешнихъ газетъ о парламентскихъ засѣданіяхъ, Бареръ даетъ достаточно мѣста и противникамъ его убѣжденій и взглядовъ; что ему особенно удавалось, это передавать общее настроеніе Собранія. Данная имъ картина засѣданій до и послѣ 14 іюля, дня взятія Бастиліи, въ своемъ родѣ верхъ со-

вершенства. Удрученное, меланхолическое настроеніе большинства депутатовъ послѣ безстыднаго отвѣта короля на обращенный къ нему почтительный запросъ о стягиваемыхъ къ Парижу войскахъ; постоянное колебаніе Собранія между боязнью возможной побѣды придворной партіи, съ одной стороны, и „угрожающими кулаками“ анархії, т.-е. активной парижской мелкой буржуазіи, съ другой; недостойное ликованіе, когда, наконецъ, король, принужденный парижанами, уступаетъ и извѣщаетъ черезъ герцога де-Ліанкура, что явится въ Національное Собраніе — поведеніе до того жалкое, что гр. Мирабо съ раскраснѣвшимся лицомъ вскакиваетъ и убѣждаетъ депутатовъ сохранить хоть свое достоинство: вся эта безпомощность и трусость представителей „tiers état“ нашла пластичное изображеніе у Барера. Теперь, наконецъ, и Бриссо де-Варвилль нашель, что наступилъ моментъ для осуществленія его проекта изданія большой либерально-демократической газеты. 28-го іюня вышелъ первый номеръ его „Patriote français“, вскорѣ сдѣлавшагося главной газетой той радикальной буржуазіи, которая позднѣе нашла своихъ представителей въ парламентѣ въ членахъ жирондистской партіи. И уже спустя восемь дней послѣдовало основаніе другой жирондистской газеты, которая впослѣдствіи сыграла важную роль въ борьбѣ между жирондистами и якобинцами, — издававшагося Антуаномъ-Жозефомъ Горсасомъ „Courrier de Paris à Versailles et de Versailles à Paris“, переименованнаго потомъ въ „Courrier des Départements“.

7-го іюля стала выходить газета Гюга-Бернара Маре (впослѣдствіи герцога Бассано) — „Bulletin de l'Assemblée nationale“, главной задачей которой также было освѣдомленіе читателей о засѣданіяхъ парламента. 12-го іюля вышелъ первый роялистско-аристократическій органъ,

который вступилъ въ безпощадную борьбу со все возрастающимъ революціоннымъ движеніемъ, — „Journal politique national“, издававшийся аббатомъ Сабатье де-Кастромъ. Печатавшіяся въ немъ сатирическо-политическія обзоры Антуана Ривароля, лауреата берлинской академіи, вскорѣ создали этому журналу большой кругъ читателей среди реакціонныхъ партій. Одновременно съ этимъ изданіемъ, наканунѣ взятія Бастиліи, возникъ его политическій антиподъ, руководящій органъ строго-демократической лѣвой, — политико-теоретическій еженедѣльникъ „Révolutions de Paris“, издававшийся богатымъ книготорговцемъ Луи Прюдомомъ и редактировавшийся адвокатомъ Элизе Лустало, — газета, ведшаяся въ стилѣ англійскихъ „reviews“; вскорѣ она, несмотря на то, что статьи ея предназначались не для большой публики, приобрѣла такое вліяніе, что аристократы для борьбы съ ней основали специальную газету, „Journal du Journal de Prudhomme“.

Взятіе Бастиліи уничтожило послѣднее противодѣйствіе правительства и парижской городской власти по отношенію къ печати. Въ ближайшіе два мѣсяца возникали почти ежедневно новыя газетки и опять исчезали. Все, что подозрѣвало въ себѣ способности къ политической и журнальной дѣятельности, пустилось въ газетное издательство. Къ повременнымъ изданіямъ этого періода, приобрѣтшимъ въ послѣдствіи въ исторіи революціи значеніе, нужно отнести издававшуюся Милленъ де-Гранмэзономъ и Нозлемъ, позднѣе нѣкоторое время выходившую подъ редакціей Кондорсе и Рабо Сентъ-Этьена ежедневную газету — „Chronique de Paris“, сначала конституціонно-демократическаго, потомъ умѣренно-жирондистскаго направленія. Первый ея номеръ вышелъ 24-го августа 1789 г. Спустя 3 дня сталъ выходить основанный Луве и Бареромъ ежедневный „Jour-

nal de Débats et des Décrets“, первоначально предназначенный исключительно для отчетовъ о работахъ Національнаго Собранія и опубликованія издаваемыхъ законовъ и распоряженій. 12 сентября получилъ, наконецъ, и „революціонный парижскій народъ“ свой органъ въ издававшейся Маратомъ, при поддержкѣ друзей, ежедневной газетѣ „Publiciste Parisien“, съ подзаголовкомъ: „Journal politique, libre et impartial, par une société de gens de lettres, et dirigé par Marat, l'ami du peuple“ („Политическій, свободный и безпартійный журналъ, издаваемый обществомъ писателей и редактируемый Маратомъ, другомъ народа“). Но уже послѣ пятого номера Маратъ перемѣнилъ заглавіе и назвалъ свою газету „L'ami du Peuple ou Publiciste Parisien, journal politique, libre et impartial“ („Другъ народа или парижскій публицистъ, политическая, свободная и безпартійная газета“). Затѣмъ заслуживаютъ упоминанія издававшаяся въ то время Мерсье и Карра умѣренно-демократическая „Annales patriotiques et littéraires“, (первый номеръ вышелъ 3-го октября 1789 года) и выходившая подъ редакціей Жака-Луи Готье „Journal général de la Cour et de la Ville“. („Всеобщая придворная и городская газета“), одна изъ позднѣйшихъ главныхъ газетъ роялистовъ.

Послѣ бѣгства въ Версаль 5 и 6 октября и послѣдовавшаго за нимъ непродолжительнаго періода реакціи наступило нѣкоторое затишье въ газетно-издательской горячкѣ; но это продолжалось недолго. 2 ноября 1789 года вышла подъ редакціей Жана-Габріеля Пельтье и Антуана Ривароля „Actes des Apôtres“ („Дѣянія апостоловъ“), феодально-аристократическая газета, которая ѣдко высмѣивала дѣянія „апостоловъ“, т. е. либеральныхъ и демократическихъ депутатовъ. 20 ноября выступилъ Камилль Демуленъ со своимъ знаменитымъ и просла-

вившимся въ исторіи Французской революціи еженедѣльникомъ „Les Révolutions de France et de Brabant“. 24 ноября Рабо де-Сентъ-Этьенъ и Жингене выпустили первый номеръ умѣренно-либеральной „Gazette nationale“ („Moniteur Universel“), а въ началѣ декабря Луи-Станиславъ Фреронъ выпустилъ пробный номеръ своего демократическаго „Orateur du Peuple“ („Народный Ораторъ“).

Особенно горячо занялась къ концу 1789 года основаніемъ газетъ роялистско-аристократическая партія, чтобы дать отпоръ атакѣ демократической газетной фаланги. Но среди этихъ бойцовъ добились нѣкотораго значенія только „Courrier français“, руководимый аббатомъ Понселеномъ, затѣмъ основанная Дюпазо „Gazette de Paris“ и маршановская „Chronique du Manège“ (этимъ словомъ „Manège“, означающимъ школу верховой ѣзды, а также интриганскій образъ дѣйствій, аристократы съ особеннымъ удовольствіемъ называли какъ Національное Собраніе, такъ и лелѣявшіеся тамъ происки противъ королевской власти).

Какіе размѣры приняла въ Парижѣ страсть къ чтенію, достаточно выясняется изъ того, что купцы часто жаловались въ тамошнихъ собраніяхъ на тотъ вредъ, который терпитъ торговля отъ продажи газетъ на улицахъ; а однажды, въ октябрѣ 1789 года, въ полицейскій комитетъ явилась даже депутація отъ рыночныхъ торговыхъ и просила ограничить газетное издательство, на томъ основаніи, что, благодаря обилію газетъ, плохо идетъ торговля: вмѣсто того, чтобы тратить свои деньги на съѣстные припасы и другія полезныя вещи, люди покупаютъ однѣ газеты.

Большинство основанныхъ въ 1789 году повременныхъ изданій выходили въ форматѣ in octavo; ежедневныя газеты давали обыкновенно отъ 8 до 16 страницъ; только

немногія, напр., „Journal de Paris“ и „Patriote français“, печатались въ форматѣ in quarto, и только одна газета, „Moniteur Universel“ — in folio, за что другія газеты ее очень высучивали, называя ее „вѣтряной мельницей“, „флюгеромъ“. Вообще, отношенія между газетами даже одного направленія были не всегда изъ лучшихъ. Всѣ газеты принадлежали частнымъ лицамъ, и ихъ издатели старались по всѣмъ правиламъ искусства переманить другъ у друга покупателей и подписчиковъ. Они не только продавали свои изданія ниже цѣны, но временами даже раздавали ихъ даромъ на улицахъ Парижа или расклеивали ихъ на углахъ; при этомъ изъ-за лучшихъ мѣстъ часто происходили въ высшей степени комичныя сраженія. Едва только какой-нибудь разносчикъ наклеить на стѣнѣ роялистскую газету, какъ является другой и наклеиваетъ на нее демократическую; не успѣлъ еще высохнуть клей, какъ спѣшить уже третій и „плакатируетъ“, какъ тогда говорили, свою либерально-конституціонную газету.

Этой внѣшней борьбѣ за сбытъ сопутствовала внутренняя борьба за различныя политическія требованія.

Всеобщія неопредѣленныя мечты о свободѣ, которыми пропитаны были революціонныя газеты въ первое время послѣ созыва генеральныхъ штатовъ, все болѣе и болѣе улетучивались. Скоро выяснилось, что съ тѣми же лозунгами, съ тѣми же словами „свобода“ или „равенство“ различные слои населенія связывали совершенно различныя понятія и требованія. Противорѣчія, лежавшія въ основѣ хозяйственныхъ отношеній этихъ слоевъ, столкнулись, и по всей линіи пошелъ ожесточенный политическій бой.

Бѣгло обрисовать эти выступающія въ прессѣ противорѣчія — задача слѣдующихъ главъ.

Предъ нами пройдутъ послѣдовательно важнѣйшія

газеты, выходившія въ періодъ между созывомъ генеральныхъ штатовъ и паденіемъ дантонистовъ.

2. Роялистско-аристократическія газеты.

Роялистско-аристократическія котеріи (о какой-нибудь единой роялистской партіи не можетъ быть рѣчи) на первыхъ порахъ не занимались газетнымъ издательствомъ. Ни одна изъ нихъ не вѣрила въ возможность внезапнаго переворота или хотя бы серьезнаго измѣненія существующаго государственнаго строя. Лишь послѣ того, какъ возстаніе 14 іюля 1789 года показало, какой силы достигло революціонное движеніе въ низшихъ слояхъ парижскаго населенія, нѣкоторые роялистскіе политическіе дѣятели взяли на себя трудъ противопоставить возникающимъ массами революціоннымъ изданіямъ газеты реакціоннаго направленія; но въ аристократическихъ кругахъ ихъ затѣя встрѣтила мало сочувствія. Понадобились дни 5 и 6 октября, чтобы привести приверженцевъ стараго режима къ убѣжденію, что если они не хотятъ быть выбитыми изъ ихъ позиціи, то должны болѣе настойчиво попытаться пріобрѣсти вліяніе на такъ называемое общественное мнѣніе.

Первой роялистской газетой, энергично предпринявшей борьбу съ революціоннымъ теченіемъ, былъ упомянутый уже, основанный аббатомъ Сабатье въ іюлѣ 1789 года „Journal politique national“. Главнымъ редакторомъ былъ самъ Сабатье; но истиннымъ руководителемъ, наложившимъ на газету своими сатирико-политическими обзрѣніями свою духовную печать, былъ графъ Антуанъ Ривароль. Отпрыскъ обѣднѣвшей боковой линии стариннаго итальянско-французскаго дворянскаго рода — двоюродный дѣдъ его отца, маркизъ

де-Ривароль, былъ извѣстный генераль-лейтенантъ арміи Людовика XIV, — Антуанъ Ривароль получилъ сперва въ Баньолѣ (Лангедокъ), гдѣ отецъ его имѣлъ небольшую шелковую фабрику, затѣмъ въ Авиньонѣ, въ іезуитской семинаріи, строго религіозное воспитаніе. Въ 1782 или 1783 году онъ прибылъ юнымъ аббатомъ въ Парижъ, гдѣ тотчасъ же получилъ доступъ въ аристократическо-клерикальные салоны. Наряду съ нѣкоторыми болѣе мелкими произведеніями онъ опубликовалъ въ 1784 году увѣнчанное Берлинской академіей медалью „Discours sur l'universalité de la langue française“. („Разсужденіе объ универсальности французскаго языка“); затѣмъ послѣдовалъ въ 1788 г. „Petit almanach de nos grands hommes“ („Маленькій альманахъ нашихъ великихъ людей“), произведеніе, въ которомъ Ривароль изображалъ въ каррикатурномъ видѣ и вышучивалъ тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей.

Когда въ 1789 году разразилась революція, онъ сейчасъ же сталъ служить контръ-революціи. Онъ являлся въ ней представителемъ того теченія, которое можно опредѣлить, какъ романтико-феодальное; его идеаломъ было возстановленіе старыхъ феодально-патріархальныхъ порядковъ, — тѣхъ порядковъ, которые къ началу революціи продолжали еще существовать въ Бретани и Нормандіи. Сообразно съ этимъ, истиннымъ аристократомъ въ его глазахъ былъ не дворянинъ — придворный, а феодальный grand-seigneur, патріархально правящій своими помѣстьями. Придворное дворянство, съ его погоней за развлеченіями, часто вызываетъ въ немъ суровое и насмѣшливое осужденіе.

Такъ же мало видѣлъ Ривароль въ Людовикѣ XVI истинный типъ монарха. Его король рисуется ему монархомъ-рыцаремъ, который, держа все крѣпко въ своихъ рукахъ, стоитъ выше придворныхъ интригъ и

свое истинное дѣло находить въ лагерѣ, среди своихъ войскъ.

Первый біографъ Ривароля, Sulpice de la Platière, приводитъ въ своемъ сочиненіи „Vie politique, philosophique et littéraire par M. de Rivarol“, вышедшемъ въ Парижѣ въ 1802 г., нѣкоторыя насмѣшливыя слова Ривароля по адресу „добраго“ короля. Позднѣйшій его біографъ de Lescure отчасти оспариваетъ подлинность этихъ выраженій въ своемъ сочиненіи „Rivarol et la société française“, и, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя изъ нихъ — обычные розказни, свойственныя мемуарамъ. Но если даже имѣть въ виду только тѣ сужденія Ривароля, которыя относятся къ монархическому образу правленія, — а они не могутъ быть оспариваемы, — то оказывается, что Ривароль былъ довольно низкаго мнѣнія о Людовикѣ XVI. Неоднократно возвращается онъ къ мысли, что долгомъ короля было, вмѣсто того, чтобы слѣдовать нашептываніямъ своихъ совѣтниковъ, стать во главѣ арміи и подавить революціонное движеніе.

Политическіе обзоры Ривароля въ „Journal politique national“ ясно выражаютъ этотъ взглядъ. Ривароль не вдается въ длинныя теоретическія изслѣдованія и разсужденія. Какъ сатирикъ и каррикатуристъ, онъ почти исключительно ограничивается тѣмъ, что высмѣиваетъ мѣропріятія Національнаго Собранія и патетическія рѣчи вожаковъ демократіи; ихъ призывамъ къ добродѣтельной жизни онъ противопоставляетъ ихъ собственный образъ жизни и вышучиваетъ политическій пылъ мелкой дѣловой буржуазіи. Но, отвергая демократическія требованія, онъ въ то же время своими указаніями на роль королевской власти и дворянства во французской исторіи достаточно ясно показываетъ, къ чему онъ стремится.

Созывъ генеральныхъ штатовъ онъ объявляетъ большой ошибкой; если правительство уже считало этотъ созывъ необходимымъ, въ виду финансоваго положенія страны, то нужно было избрать для засѣданій собранія такое мѣсто, которое было бы достаточно удалено отъ Парижа, и самыя совѣщанія необходимо было поставить въ извѣстныя рамки. Что тогдашнее состояніе государства оставляло желать многого, этого Ривароль не оспариваетъ; но, по его мнѣнію, ни налоги, ни произвольные приказы объ арестѣ и другіе виды правительственнаго произвола, ни гнетъ, порождаемый административными мѣропріятіями и несправедливыми судебными приговорами, не въ состояніи были бы сбить народъ съ толку, если бы онъ не потерялъ уваженія къ аристократіи, не потерялъ его отчасти именно вслѣдствіе глупаго поведенія самого дворянства.

Несмотря на это, Ривароль видитъ въ дворянствѣ естественнаго руководителя и вожака народныхъ массъ. Онъ страстно возстаетъ противъ постановленія Національнаго Собранія отъ 11 сентября 1789 г., согласно которому король лишается права veto и только 673 противъ 325 голосовъ ему предоставлено „суспенсивное veto“. Въ противоположность этому постановленію, которымъ, по его мнѣнію, уничтожается королевская власть, онъ требуетъ для короля неограниченнаго veto и, далѣе, замѣны Національнаго Собранія „наслѣдственной“ палатой господъ, состоящей только изъ немногихъ членовъ высшей аристократіи. Буржуазіи онъ оставляетъ лишь слабое косвенное вліяніе на веденіе государственныхъ дѣлъ, именно, черезъ посредство городскихъ общинныхъ союзовъ.

Обостреніе отношеній между аристократіей и „третьимъ сословіемъ“ послѣ дней 5 и 6 октября побудило Ривароля уйти изъ „Journal politique national“ и осно-

вать вмѣстѣ съ Жаномъ-Габріэлемъ Пельтье и издателемъ Гаттэ (Hattey) контръ-революціонную газету, часто упоминаемую въ исторіи Французской революціи, „Actes des Apôtres“, „исторію апостоловъ“, сатирической органъ, предназначавшійся для того, чтобъ регистрировать дѣянія „апостоловъ“, т. е. революціонныхъ вожаковъ, и жестоко ихъ высмѣивать. Въ Пельтье Ривароль нашелъ родственнаго по духу политика, который, хотя и происходилъ изъ буржуазной купеческой семьи, ненавидѣлъ мелкую дѣловую буржуазію еще больше, чѣмъ его феодально-клерикальный соредакторъ. Около нихъ собрался цѣлый кругъ аристократическихъ и клерикальных политиковъ, почти регулярно поставлявшихъ статьи; изъ нихъ отмѣтимъ: Николая Бергасса, Шансене, виконта Андре де Мирабо (феодально-роялистскій братъ графа Оморѣ-Габріэля де-Мирабо), гр. Лалли-Толлендаля, Монлозѣ, Мунье, гр. Станислава де-Клермонъ-Тоннера и клерикальнаго литератора Сюло.

Первый номеръ „Actes des Apôtres“ вышелъ 2 ноября 1789 года, или, какъ насмѣшливо заявила сама газета, *въ день всеобщаго усненія душъ нулевого года свободы*. Пельтье въ сатирическомъ отрывкѣ о войнахъ Карла V Французскаго съ парижской буржуазіей въ 1357—1358 г.г. высмѣиваетъ герцога Орлеанскаго подъ маской короля Карла Злого Наваррскаго и гр. Оморэ Мирабо подъ маской Этьена Марселя, старшины парижскаго купечества. Затѣмъ, въ первомъ номерѣ есть комическій рассказъ о походѣ экспедиціи изъ пятидесяти національныхъ гвардейцевъ, съ рыцаремъ де-Ламетомъ во главѣ, противъ женскаго монастыря аннунціатокъ; потомъ придворныя сплетни, эпиграммы и т. д. Если въ „Journal politique national“ Ривароль и дѣлалъ время отъ времени попытки бороться противъ революціи политическими и философскими доводами, то

теперь, подъ вліяніемъ Пельтье, онъ совершенно оставилъ это.

Пельтье былъ того мнѣнія, что противъ революціоннаго броженія доводами ничего не сдѣлаешь: оно должно изжить само себя; а ускорить этотъ процессъ можно только безпощадно разоблачая вожаковъ революціи и ихъ дѣла. „Смѣхъ, вышучиваніе“, говоритъ онъ, *„вотъ единственное оружіе, къ которому мы должны прибѣгать въ навязанной намъ борьбѣ“*.

По этому рецепту и составлялись „Actes des Apôtres“. Она изображаетъ революцію въ литературно-роялистической каррикатурѣ. Насмѣшки надъ Національнымъ Собраніемъ, для которыхъ пышная фразеологія нѣкоторыхъ ораторовъ давала великолѣпный матеріалъ; сплетни о частной жизни депутатовъ третьяго сословія, пародіи на революціонныя пѣсни, глумленіе надъ засѣданіями и постановленіями клубовъ, эпиграммы, злостныя панегирики добродѣтелямъ народныхъ вожаковъ; ругань по поводу распущенности парижскаго плебса, — все это пестрой вереницей слѣдуетъ одно за другимъ:

Особенно рьяно распространялись высиженныя въ аристократическихъ салонахъ сплетни о либеральныхъ и демократическихъ депутатахъ. Длинно и со вкусомъ рассказывается, какъ одинъ депутатъ заразилъ жену другого сифилисомъ; что мать Матье де-Монморанси состояла въ связи со своимъ лакеемъ, что Кондорсе играетъ роль сутенера своей жены и т. д. Тутъ же мы находимъ самыя яростныя нападки на Національное Собраніе, которое обзываютъ „Canailarchie“ и „Manége“, и населеніе парижскихъ предмѣстій, которое на жаргонѣ „Исторіи Апостоловъ“ окрещено эстетическими именами „парижской уличной грязи“, „свиней“, „сыновей прбститутокъ“ и т. д. Въ промежуткѣ идутъ требованія, обращенныя къ военачальникамъ и арміи,

положить конецъ „революціонному безумію“, въ слѣдующемъ, напр., стилѣ:

„Необходимо устроить охоту на всѣхъ демагоговъ и поступить съ ними по всей строгости законовъ, чтобы мы имѣли удовольствіе видѣть ихъ претерпѣвающими ту же участь, которую мы уготовляемъ кротамъ въ полѣ,—мы посадимъ ихъ на колья и заставимъ ихъ на развалинахъ Бастиліи испытывать смертельныя муки“.

Особенно направлялись ядовитыя стрѣлы „Actes des Apôtres“ противъ „великаго“ Мирабо, „которому ничто не чуждо“. И въ прозѣ, и въ стихахъ высмѣиваются его „универсальность“, его „скромность“, его „безкорыстіе“, его похотливость. Даже, когда Мирабо лежалъ на смертномъ одрѣ, „Исторія Апостоловъ“ и тогда не находила нужнымъ быть хоть немного сдержаннѣе; она напечатала, напимѣръ, слѣдующіе стихи:

„Плачьте, о плачь, Фоше!
Онъ отходитъ. Прощай!
„Великій человѣкъ“ умираетъ.
Быть можетъ,—кто знаетъ?—
На этой могилѣ
Черезъ годъ будутъ уже м....ся.

Въ качествѣ эпитафіи газета предлагаетъ слѣдующіе стихи:

„Здѣсь покоятся остатки шкуры Мирабо, —
О, не подходи, ты можешь схватить чуму!“

Послѣ смерти Мирабо любимой мишенью для „Actes des Apôtres“ сдѣлался Робеспьеръ. Еще тогда, когда „господинъ депутатъ отъ Арраса“ впервые обратилъ на себя всеобщее вниманіе, газета въ насмѣшливомъ

обращеніи восхваляла его, какъ поэта, историка, географа, естествоиспытателя, физика, журналиста и законодателя, и, во вниманіе къ его духовнымъ дарованіямъ, пожаловала ему титулъ „Аррасской сальной свѣчи“; теперь же она выступила противъ „bon apôtre“ („добраго апостола“) съ подобной же руганью, какъ когда-то противъ „смерднаго факела Прованса“ (Мирабо). Когда, послѣ введенія новаго судоустройства, Робеспьеръ былъ избранъ судьей въ Версалѣ, роялистская газета осыпала его насмѣшливыми стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

„Господина, избраннаго Аррасомъ въ депутаты,
Версаль избралъ себѣ въ судьи.
Повидимому, безопаснѣе судить здѣсь,
Чѣмъ тамъ внизу, среди сброда.
Я охотно вѣрю, что вамъ больше нравится
Судить, чѣмъ быть повѣшеннымъ;
Но здѣсь, на землѣ отложить—
Не значитъ еще отмѣнить“.

Но и другіе вожаки революціонныхъ партій, начиная съ умѣренныхъ конституціоналистовъ и кончая Маратомъ и Геберомъ, не были пощажены; а къ ренегатамъ изъ старинныхъ дворянскихъ родовъ, такъ называемымъ предателямъ аристократіи, газета относилась еще съ большимъ презрѣніемъ, чѣмъ къ „scélérats“ (негодяямъ) третьяго сословія.

Для роялистско-клерикальнаго общества того времени характеренъ тотъ фактъ, что „Actes des Apôtres“ вскорѣ послѣ своего появленія нашла въ „вѣрныхъ королю“ кругахъ самое широкое распространеніе, хотя цѣна за газету, выходившую обыкновенно три раза въ недѣлю въ объемѣ отъ 8 до 24 страницъ in octavo, установлена была очень высокая. Подписная цѣна на одинъ томъ (400—500 печатныхъ страницъ) составляла отъ 9 до 10^{1/2}

франковъ монетою (ассигнаціи не принимались). Всего до октября 1791 г. вышло 11 томовъ, заключавшихъ 311 номеровъ. Затѣмъ газета вынуждена была приостановиться, отчасти потому, что кругъ ея читателей значительно уменьшился вслѣдствіе сильной эмиграціи, отчасти потому, что она въ 1791 году имѣла нѣсколько столкновений съ парижской полиціей и не разъ была вынуждена на нѣкоторое время—въ іюль 1791 г. даже на 4 недѣли — прекращать выходъ.

Такого же качества были и другія главныя роялистскія и клерикальныя газеты: редактируемая аббатомъ Ройю (Rouy) „L'ami du Roi“ („Другъ короля“); витающая въ мрачнѣйшихъ эшафотныхъ фантазіяхъ „Journal de la Cour et de la Ville“ („Всеобщая придворная и городская газета“), по имени главнаго редактора Жака-Луи Готье-де-Лионне называвшаяся обыкновенно „Petit Gautier“ („Маленькій Готье“); редактировавшаяся Маршаномъ „Chronique du Manège“.

Наибольшаго значенія среди нихъ достигла ежедневная газета Ройю, первый номеръ которой вышелъ 1 іюня 1790 г.

Ройю, зять извѣстнаго французскаго писателя и основателя „Année littéraire“ („Литературнаго Ежегодника“), Эли-Катеринъ Фрерона, былъ до наступленія революціи соиздателемъ этого органа и профессоромъ коллежа Louis-le-Grand, гдѣ онъ преподавалъ философію; многіе изъ крупнѣйшихъ впослѣдствіи вожаковъ революціи,— между ними Камиллъ Демуленъ, Робеспьеръ, Лустало,— были его учениками.

Когда весной 1790 года демократическое движеніе стало все болѣе расширяться, онъ вошелъ въ соглашеніе со своимъ другомъ, писателемъ-академикомъ Монжой, книгопродавцемъ Бріаномъ и типографомъ Крапаромъ, и началъ съ ними издавать свою „L'ami du Roi, des

Français, de l'Ordre et surtout de la Vérité“. („Другъ короля, французовъ, порядка и, въ особенности, правды“).

Появленію газеты онъ предпослалъ проспектъ, въ которомъ изложилъ свою цѣль. Тамъ сказано:

„Возникъ страшный заговоръ противъ алтаря и трона. Каждый день дѣлаются такія нападенія на принципы справедливости, вѣрности, морали, здоровой политики со стороны цѣлаго легіона мятежныхъ писателей, что пора, наконецъ, дать отпоръ ихъ скандальной наглости. Ихъ безуміе, совершенно очевидно, слѣдствіе той фальшивой, вѣроломной философіи, которая уже цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ возбуждаетъ народъ противъ всего того, чтѣ когда-то считалось имъ наиболѣе достойнымъ уваженія“.

Бороться противъ этого явленія—такова, по заявленію Ройю, цѣль его изданія; и дѣйствительно, онъ направилъ главныя свои удары противъ этой революціонной философіи; но онъ противопоставилъ ей не клерикальную философію того времени, а апеллировалъ къ чувству, къ религіознымъ инстинктамъ. Онъ хотѣлъ вліять не на ученыхъ и не на дворянство, но на широкую массу третьяго сословія; а призывъ къ спокойствію, потребность въ которомъ такъ присуща этому сословію, и къ здравому смыслу, ему казался гораздо дѣйствительнѣе всякихъ философскихъ споровъ. Онъ дѣлаетъ всевозможныя живописныя сравненія между прежними временами и бурными, нарушающими мирное теченіе дѣлами революціи. Онъ напоминаетъ своимъ читателямъ о прекрасныхъ дняхъ ихъ дѣтства, о мирѣ, царившемъ въ ихъ отцовскомъ домѣ, и старается представить принятыя Національнымъ Собраніемъ рѣшенія, какъ прегрѣшеніе противъ установленнаго Богомъ порядка, какъ оскорбленіе религіи, какъ стѣсненіе религіозной свободы совѣсти,— по тому же рецепту и часто даже тѣми же

словами, которыми нынѣ клерикальная пресса во Франціи, какъ и въ Германіи, ратуеть противъ неугодныхъ ей государственныхъ мѣропріятій.

Большей частью „L'ami du Roi“ поступаетъ такъ: онъ сообщаетъ своимъ читателямъ важнѣйшія предложенія и постановленія Національнаго Собранія и дѣлаетъ краткія извлеченія изъ дебатовъ, само собою разумѣется, препарированныя такъ, что демократическіе ораторы и докладчики должны показаться читателю слѣпыми фанатиками, хищниками или односторонними фразерами,—наоборотъ, Мори, Малузъ, Казалесъ, де-Фрондвиль, де-Бувиль, Сентъ-Пристъ, Вивіе, Мартино, Монлозье должны показаться героями духа, сражающимися за благо народа. И къ такимъ, причесаннымъ по всѣмъ правиламъ искусства отчетамъ присоединялись обыкновенно длинныя разсужденія, въ которыхъ финансовое положеніе Франціи изображалось въ мрачнѣйшихъ краскахъ, возеѣчалось банкротство, рисовались его послѣдствія для промышленной жизни, и почтенному буржуа грозили анархіей, „хищническими инстинктами“ массъ. Примѣромъ можетъ служить слѣдующій отрывокъ:

„Посмотрите же, какое употребленіе сдѣлали всѣ эти триста тысячъ маленькихъ тирановъ, созданныхъ по образу Національнаго Собранія (муниципалитеты и т. д.), изъ своего самодержавія,—они, которые за свои дѣйствія не могутъ быть привлечены ни къ какому суду, которые въ своей служебной области могутъ чинить всевозможныя, какія имъ заблагоразсудятся насилія, не боясь ни правосудія, ни военной силы.

Посмотрите, куда завели насъ эта безграничная свобода, эта ужасная распущенность народа и, еще болѣе, эта вѣроломная снисходительность, эта варварская безнаказанность всякихъ эксцессовъ. Какъ часто ихъ не только терпѣли, но даже привѣтствовали,—для этого имъ нужно

было только прикрыться лживой маской свободолюбія. Вы, нынѣшніе политики, развѣ вы не предвидѣли, что, пошадивъ кровь нѣсколькихъ негодяевъ, вы этимъ самымъ можете пролить кровь тысячъ безвинныхъ жертвъ? Вы спустили съ цѣпи стадо кровожадныхъ тигровъ; вы разрушили плотину, сдерживавшую бурный потокъ. Какимъ образомъ вы остановите теперь страшный натискъ, что сдѣлаете вы, чтобъ онъ не унесъ нашей собственности, нашей свободы и вмѣстѣ съ ними дорогой намъ конституціи?“

Въ августѣ 1790 года Ройю и Монжой перессорились между собой и со своими издателями. Вслѣдствіе этого, нѣкоторое время имѣлось три „Друга Короля“: Бріана, Монжой и Ройю; Бріанъ и Монжой въ ноябрѣ опять соединились, а Ройю остался въ одиночествѣ. Его газета самая замѣчательная. Она еще съ большей силой повела, рядомъ съ борьбой за права короля и привилегіи придворной знати, борьбу противъ такъ называемой иррелигіозности. Ея языкъ становился все энергичнѣе, демократическихъ политиковъ она называла не иначе, какъ сумасшедшими, негодяями, мошенниками, плутами, гнилью, разбойниками, развратниками, апостолами плотскаго вождельнія и т. д. Порой ея языкъ переходитъ въ почти истерическіе яростные выкрики, въ особенности послѣ того, какъ было открыто бѣгство короля и онъ былъ возвращенъ въ Парижъ въ качествѣ плѣнника. Всѣ контръ-революціонныя мѣры, наоборотъ, встрѣчаютъ у Ройю горячее одобреніе. Наглое письмо Буйлье (Bouillé) къ Національному Собранію восхваляется имъ, какъ „consolant espoir“ (утѣшительная надежда); рѣзня на Марсовомъ полѣ объявляется славнымъ дѣломъ Лафайета и Байльи. Въ то же время „Другъ Короля“ все откровеннѣе ведетъ измѣнническую агитацію, при чемъ онъ не только всячески ругаетъ находящіеся на

полѣ сраженія революціонныя войска, но еще совѣтуеть ихъ офицерамъ дезертировать и сдавать свои отряды; ибо если такимъ образомъ Франція и будетъ отдана врагу, то конечнымъ слѣдствіемъ этого явится все-таки возстановленіе „порядка и права“ на французской почвѣ.

Въ іюлѣ 1791 года правительство приняло, наконецъ, мѣры противъ этой агитаціи, но Ройю избѣгъ ареста поспѣшнымъ бѣгствомъ. 6 августа 1791 г. вышелъ послѣдній номеръ „Друга Короля“.

Такова была дворянская печать во время Великой Французской революціи. Понятно поэтому, что даже Анри Авенель въ своей „Histoire de presse française“, при всей своей антипатіи къ крайней революціонной печати, вынужденъ былъ сдѣлать слѣдующее признаніе: „Никакія современныя полемики, даже самыя рѣзкія, не даютъ и слабого представленія о неприличіи остроумія этихъ газетъ: Марату въ его „Другъ Народа“, Геберу въ его „Отцѣ Дюшенѣ“ лишь изрѣдка удается перещеголять обычный стиль „Apôtres“... А де-Лекюръ (de Lescure) біографъ Ривароля, откровенно сознается: „Въ „Actes des Apôtres“ есть мѣста, подобныхъ которымъ, по рѣзкости и непристойности, вы не найдете ни въ „Другъ Народа“, ни въ „Отцѣ Дюшенѣ“.

И, въ самомъ дѣлѣ, вся брань по адресу современнаго рабочаго движенія такихъ газетъ, какъ „Post“, „Staatsbürgerzeitung“, „Hamburger Nachrichten“ не можетъ идти даже въ отдаленное сравненіе съ языкомъ роялистическихъ газетъ того времени. Тѣмъ характернѣе для нашихъ національ-либеральныхъ историковъ, что они, такъ возмущающіеся грубой писательской манерой Марата, совершенно игнорируютъ еще гораздо болѣе грубый языкъ роялистической прессы.

Парижскому народу революціоннаго времени была извѣстна ругань роялистскихъ изданій. Въ кабакахъ и кафе читались вслухъ „вѣрныя королю“ газеты, а въ клубахъ онѣ переходили изъ рукъ въ руки. Страшная ненависть къ роялистамъ, проявившаяся въ возстаніяхъ 10 августа и 2 сентября 1792 года, въ значительной мѣрѣ объясняется полными угрозъ огнемъ и мечемъ газетными атаками роялистскихъ аббатовъ и клерикальных профессоровъ.

3. Газеты умѣренно-конституціонныхъ группъ.

Подобно крайней роялистско-клерикальной партіи, и аристократическо-конституціонная группа, представленная въ Національномъ Собраніи Мунье, Малуэ, Лалли-Толландалемъ и др., и предводимая въ парламентѣ Сіейсомъ и Байльи либерально-конституціонная партія, имѣли также свои газеты, которыя, правда, только въ первые два года революціи играли замѣтную роль въ политической жизни французской націи. Чѣмъ болѣе опредѣлялись классовыя противорѣчія, тѣмъ болѣе эти партіи теряли почву подъ ногами: приверженцы ихъ переходили частью къ лѣвымъ, частью къ правымъ партіямъ. Аристократическо-конституціонная партія съ самаго начала представляла собой офицеровъ безъ войска. Она большей частью состояла изъ дворянъ, убѣжденныхъ въ томъ, что королевская власть и сословныя различія въ существенномъ должны быть сохранены, но необходимо все-таки сдѣлать нѣкоторыя незначительныя уступки крупной буржуазіи и высшему чиновничеству и предоставить имъ умѣренное вліяніе на дѣла государственнаго управленія. Вѣрными приверженцами этой партіи, кромѣ дворянъ, были еще развѣ хорошо устроившіеся представители официальной науки, часть

состоятельнаго духовенства и высшаго чиновничества, а также возникавшія тогда финансовая и крупная торговая буржуазія. Широкой массѣ буржуазіи были чужды взгляды этой партіи, хотя въ началѣ революціи, когда политическія воззрѣнія еще совершенно не опредѣлились и даже такъ называемые вожди слѣдовали больше своимъ инстинктивнымъ влеченіямъ, чѣмъ сознательнымъ убѣжденіямъ, она и находила себѣ извѣстную поддержку среди буржуазіи.

Свое собственное представительство буржуазія создала себѣ въ лицѣ либерально-конституціонной партіи. Но и послѣдняя, конечно, не была совершенно однородной группой; напротивъ, она вмѣшала всякіе, взаимно расходящіеся элементы: наряду съ частью такъ называемаго либеральнаго, т. е. обѣднѣвшаго или задолжавшаго дворянства, тутъ были и мелко-буржуазные, и литературно-академическіе элементы. Какъ послѣ основанія новой Германской имперіи въ 1871 году, вся нѣмецкая буржуазія (за исключеніемъ нѣкоторыхъ округовъ, въ которыхъ издавна укрѣпилась прусская прогрессивная партія) причислила себя къ національ-либераламъ и выбирала національ-либераловъ, такъ что эта фракція вступила въ 1874 г. въ рейхстагъ въ количествѣ 150 представителей, такъ и французская буржуазія, въ началѣ революціи, въ широкой своей массѣ объединилась подъ либерально-конституціоннымъ знаменемъ Сіейса - Мирабо.

Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ революціи отдѣльнымъ слоямъ буржуазіи становились все яснѣе и яснѣе различія ихъ интересовъ; и тогда собственно дѣловая буржуазія примкнула къ жирондистской партіи, литературно-академическіе элементы большей частью къ дантонистамъ, а мелкобуржуазныя группы къ робеспьеровскому направленію.

Самой правой изъ крупныхъ газетъ обоихъ этихъ направленій была руководимая Малле дю-Паномъ, при соучастіи Мармонтеля, Ла-Гарпа и Шамфора, „*Mercure de France*“. Можно почти сказать, что она занимаетъ среднее положеніе между роялистскимъ и аристократическо-конституціоннымъ направленіями, — по крайней мѣрѣ, это вѣрно для 1791 года. Близко отъ нея стояли, хотя онѣ и были нѣсколько либеральнѣе или, вѣрнѣе, буржуазнѣе, издававшаяся извѣстнымъ газетнымъ издателемъ революціоннаго времени Панкукомъ и редактировавшаяся адвокатомъ Серизье (депутатомъ отъ *Bourgen-Bresse*) „*Gazette nationale*“ и „*Journal de la Société de 1789*“, руководимая, главнымъ образомъ, Малуэ. Сперва умѣренно-либеральная, эта газета становится все болѣе реакціонной, по мѣрѣ того, какъ развивается и растетъ демократическое движеніе, и главнѣйшей ея задачей становится безпощадная борьба съ „Другомъ конституціи“ („Якобинцемъ“).

Приблизительно такую-же позицію, можетъ быть, еще немного болѣе лѣвую, занимала редактировавшаяся Фонтаномъ „*Moderateur*“, тогда какъ редактировавшійся Мирабо „*Courrier de Provence*“ занималъ въ извѣстной степени, среднее положеніе между умѣренно-конституціоннымъ и позднѣйшимъ жирондистскимъ теченіями. Какъ въ Національномъ Собраніи Мирабо, въ сущности, никогда не былъ вожакомъ опредѣленной партіи, но всегда старался балансировать между двумя партіями, такъ и газета его лишена опредѣленнаго партійнаго характера. Твердость принциповъ не была свойствомъ Мирабо. Его политическая позиція мѣнялась сообразно съ обстоятельствами.

Наиболѣе интересными изъ этихъ газетъ являются „*Mercure de France*“ и „*Courrier de Provence*“.

„*Mercure*“ состоялъ изъ двухъ частей: литературной,

которая, какъ уже упомянуто, велась Мармонтелемъ, Ла-Гарпомъ и Шамфоромъ, и историко-политической, редактировавшейся Малле дю-Паномъ. Въ первые мѣсяцы послѣ созыва генеральныхъ штатовъ Малле дю-Панъ былъ сдержанъ; онъ отмѣчалъ лишь важнѣйшія событія. Но оборотъ, который приняли засѣданія Національнаго Собранія послѣ 4 августа 1789 года, особенно дебаты о „правахъ человѣка“, заставили его принять участіе въ дискуссіи. Его возраженія противъ требованія полного равноправія всѣхъ гражданъ, правда, не особенно глубоки, — они повторяютъ лишь тогдашнюю аргументацію клерикальных софистовъ, — но они все же представляютъ извѣстный интересъ, такъ какъ, выступая противъ равноправія, Малле дю-Панъ *ссылается на Руссо*, теоретическій авторитетъ тогдашней демократіи. Политическое равенство — такъ приблизительно рассуждаетъ онъ неоднократно и съ большою обстоятельностью — бессмыслица; такъ какъ люди не равны, такъ какъ ихъ тѣлесныя и моральныя качества различны, то они не могутъ претендовать и на одинаковую оцѣнку ихъ государствомъ. Къ тому же, истинное равенство, если это только не пустой звукъ, предполагаетъ извѣстное равномерное распредѣленіе матеріальныхъ благъ. Но такое распредѣленіе противорѣчитъ, какъ это показывалъ самъ Руссо, закону природы. „Съ того момента, когда человѣкъ взялъ себѣ право огородить свое поле, онъ далъ этимъ самымъ всѣмъ другимъ право захватить всю остальную землю“.

Но на первыхъ порахъ Малле дю-Панъ ограничивается еще соображеніями философско-теоретическаго характера; только въ серединѣ 1790 года онъ берется за болѣе острое оружіе. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ обрушивается онъ на свободу печати, „на скандальное“ введеніе революціонныхъ журналистовъ, на вторженіе

якобинцевъ въ муниципальныя и окружныя управленія; защищаетъ поведеніе Сентъ-Приста и Неккера, высказывается за сохраненіе сильной королевской власти и за двухпалатную систему — созданіе аристократическаго сената наряду съ Національнымъ Собраніемъ — и страстно протестуетъ противъ отчужденія государственныхъ имуществъ, которое онъ характеризуетъ, какъ нарушеніе права собственности. Въ особенности заботится онъ о предохраненіи войска отъ революціонныхъ вліяній. *дабы сохранить его какъ сильнѣйшее оружіе и козырь въ рукахъ королевской власти*. Опредѣленіе состава войска, численности его, наборъ, распредѣленіе, — все это безусловно должно остаться, поучаетъ Малле дю-Панъ, прерогативой короны. При этомъ онъ ссылагается на различныя европейскія монархіи, въ особенности на конституціонную Англію. „Никогда еще“, говоритъ онъ, „король Англіи не представлялъ на разсмотрѣніе парламента свои рѣшенія по вопросу объ организаціи арміи. Его королевскія права даютъ ему власть собирать, распредѣлять, увеличивать и раздѣлять на части войска; онъ не нуждается для этого ни въ какомъ спеціальному законѣ... Организація военныхъ силъ исключительно дѣло короля; но эта, организованная безъ всякаго содѣйствія парламента, армія можетъ быть парализована тѣмъ, что законодательное собраніе откажетъ ей въ матеріальныхъ средствахъ...“

Требованія Малле дю-Пана не представляютъ ничего исключительнаго; они имѣются, болѣе или менѣе рѣзко выраженные, во всѣхъ другихъ умѣренно-конституціонныхъ газетахъ; но редакторъ „Mercure“ обосновываетъ ихъ въ высшей степени своеобразно. Онъ въ извѣстной степени связываетъ основныя положенія *теоріи общественнаго договора Руссо съ ученіемъ Гоббса о догосударственномъ состояніи человѣка и объ условіяхъ образованія*

государства, и изъ всего этого вырабатываетъ особенную теорію государственности въ духѣ естественнаго права, которую примѣняетъ съ извѣстной ловкостью къ революціоннымъ событіямъ. Такъ, напр., подводя итогъ революціонному движенію 1789 года, онъ говоритъ:

„Всюду, гдѣ народы въ теченіе долгаго времени пребывали въ угнетеніи и невѣжествѣ, въ тотъ моментъ, когда они свергали деспотизмъ и возвращались къ естественному состоянію, энтузіазмъ переходилъ всякія границы, и ничто не въ состояніи было удержать его въ опредѣленныхъ рамкахъ. Каждая вновь образовавшаяся власть тотчасъ же и разрушается. Если неимущимъ классамъ удастся одержать верхъ надъ тѣми классами, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась собственность, то ни одинъ гражданинъ, даже и на шесть мѣсяцевъ, не можетъ быть спокоенъ за свою собственность, свое имущество и свою жизнь. Отсюда слѣдуетъ, что гога нити порваны, пока раздробленныя власти не подчинены одной сильной центральной власти, могущественное государство превращается во множество мелкихъ областей, изо дня въ день воюющихъ между собою“.

Демократическія газеты, отражая эти нападки, обвиняли Малле дю-Пана въ ренегатствѣ и коварствѣ, въ отвѣтъ на что послѣдній, въ свою очередь, презрительно обозвалъ демократическихъ журналистовъ газетными бумагомараками (Folliculaires) пасквильантами, жадными хищниками, искателями счастья и клеветниками. Заодно тутъ досталось и демократическимъ клубамъ, дѣятельность которыхъ онъ считалъ гораздо опаснѣе для французской конституціи, чѣмъ всѣ иностранныя войска, стоящія на границахъ Франціи. Понятно, демократическія газеты не остались въ долгу. Результатъ былъ тотъ, что Малле дю-Панъ еще болѣе усилилъ свои нападки на дѣятельность „софистической“ газетной своры, пока,

наконецъ, послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ полиціей 21 мая 1792 года онъ не прекратилъ свою дѣятельность въ „Mercure“ и отправился, по тайному порученію Людовика XVI, во Франкфуртъ на Майнѣ, чтобы склонить нѣмецкихъ князей вмѣшаться во французскія дѣла. „Mercure“ продержался еще до 10 августа 1792 года, когда онъ былъ прекращенъ новымъ парижскимъ муниципалитетомъ.

Газета Мирабо „Courrier de Provence“ совсѣмъ иного рода, чѣмъ „Mercure de France“. Подобно многимъ другимъ, основаннымъ въ 1789 году, газетамъ, „Courrier“ первоначально поставилъ своей задачей давать отчеты о засѣданіяхъ „Національнаго Собранія“, но отчеты, какъ ихъ понималъ Мирабо, отчеты, соотвѣтствующіе его видамъ. Его протоколы во многихъ отношеніяхъ похожи на даваемые нѣкоторыми современными нашими крупными органами „парламентскіе резюмэ“, съ той, однако, разницей, что Мирабо часто вставляетъ въ эти, такъ называемыя, „картины настроенія“ точный текстъ внесенныхъ на обсужденіе предложеній, а также важныя мѣста изъ отдѣльныхъ рѣчей. Его отчеты о засѣданіяхъ нерѣдко занимаютъ поэтому отъ 12 до 16 печатныхъ страницъ.

Большею частью номеръ начинается нѣкоторымъ какъ бы введеніемъ въ трактуемую тему, — искуснымъ изложеніемъ даннаго вопроса съ точки зрѣнія Мирабо, предрасполагающимъ читателя къ принятію его мнѣнія; затѣмъ идетъ изложеніе содержанія нѣкоторыхъ рѣчей, и сюда присоединяются всевозможныя критическія замѣчанія и толкованія.

О какомъ либо безпристрастіи Мирабо не можетъ быть и рѣчи. Его отчеты служатъ дѣлу пропаганды его взглядовъ и расширенія его вліянія. Сообразно съ этимъ, Мирабо относится къ рѣчамъ противниковъ, если онѣ

только не представляют желанного повода къ полемическимъ разносамъ и комментаріямъ, большей частью, довольно невнимательно и высокоумно; ораторовъ же, стоящихъ на его точкѣ зрѣнія, онъ излагаетъ пространно. Прежде всего, Мирабо, конечно, приводитъ собственныя рѣчи и предложенія, старательно ретушированныя и исправленныя. Мастеръ политической рекламы, онъ отлично умѣлъ даже въ самыхъ ничтожныхъ событіяхъ выдвинуть на передній планъ собственную персону и работать для своей популярности. И именно вслѣдствіе этого особеннаго вниманія къ ораторской дѣятельности, предложеніямъ, докладамъ и политическимъ планамъ Мирабо, „*Courrier de Provence*“ является въ высшей степени цѣннымъ вкладомъ въ исторію революціи. Онъ даетъ великолѣпную картину парламентской дѣятельности Мирабо, — само собою разумѣется, не совсѣмъ вѣрную: онъ, скорѣе, рисуетъ Мирабо такимъ, какимъ онъ хотѣлъ казаться своему времени; но именно въ этомъ прикрашенномъ автопортретѣ наилучше проявляются духовныя особенности и характеръ Мирабо.

Такимъ образомъ, его газета служить ему извѣстнымъ дополненіемъ къ парламентской трибунѣ. Врядъ-ли можно отрицать, что журналистъ Мирабо, взятый въ цѣломъ, оказывается еще на нѣсколько нюансовъ консервативнѣе, чѣмъ Мирабо — парламентарій. Конечно, и въ своей газетѣ онъ, въ погоню за популярностью, поступаетъ до нѣкоторой степени своими истинными взглядами; но все же, въ его литературныхъ разсужденіяхъ передъ нами въ меньшей степени выступаетъ жаждаущій эффектовъ риторъ, чѣмъ тонкій наблюдатель и авторъ „*Monarchie prussienne sous Frédéric-le-Grand*“, осторожный, въ основѣ аристократическій политикъ, защищающій въ засѣданіи Національнаго Собранія

1 сентября 1789 года абсолютное право короля налагать veto, а 10 декабря вносящій предложеніе:

„Начиная съ перваго января 1789 года никто не можетъ сдѣлаться членомъ Національнаго Собранія, если онъ не былъ раньше дважды избранъ народомъ въ члены какого-нибудь правительственнаго собранія или муниципалитета, или не прослужилъ minimum три года въ магистратѣ, или не былъ уже хотя однажды членомъ Національнаго Собранія“.

Цѣлью этого предложенія было просѣять членовъ парламента и воспрепятствовать проникновенію въ него „анархистскихъ“, т. е. радикальных мелкобуржуазныхъ элементовъ.

Боязнъ предъ такъ называемой „анархіей“ играетъ, какъ это показываютъ его статьи въ „*Courrier de Provence*“, въ политикѣ Мирабо важную роль; и не только потому, что господство „*Canaille*“ (мелкая буржуазія), по его мнѣнію, ввергаетъ Францію въ страшную смуту, но и потому еще, что оно неизбѣжно должно кончиться контръ-революціоннымъ переворотомъ. Уже 2 августа 1789 года, вскорѣ послѣ взятія Бастиліи, онъ доказывалъ въ своей газетѣ, что анархія всегда можетъ быть только „*crise passagère*“ (преходящимъ кризисомъ). «Исторія», говоритъ онъ, «не знаетъ такого народа, у котораго состояніе анархіи было-бы продолжительно: нужда, тревожное безпокойство, бѣдствія — сами собой заставляютъ вернуться къ закону».

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать и измѣну Мирабо, принятіе имъ королевскаго подкупа. Какимъ презрѣннымъ ни является этотъ поступокъ, онъ не былъ „измѣной убѣжденіямъ“, какъ это утверждаютъ либеральные историки. На взглядъ Мирабо, революція тогда ушла уже далеко за предѣлы своей цѣли. Для него вопросъ стоялъ такъ: или назадъ, къ умѣренно-консти-

туціонной монархії по старому англійському образцу, или впередъ, къ анархії, съ неизбѣжной послѣ нея реакціей. Онъ рѣшилъ, соотвѣтственно своему характеру, что необходимо вернуться назадъ; при чемъ, конечно, красивые луидоры изъ королевской шкатулки пришли на помощь его государственнымъ соображеніямъ.

Значительнымъ политическимъ вліяніемъ „Courrier de Provence“ пользовался только до лѣта 1790 г.; затѣмъ дальнѣйшему его распространенію помѣшало все возроставшее недовѣріе къ Мирабо, особенно, когда онъ сталъ все болѣе ограничивать свою журнальную дѣятельность и веденіе газеты передалъ въ другія руки. Однако, „Курьеръ“ продержался еще 6 мѣсяцевъ послѣ смерти Мирабо (2 апрѣля 1791 года), когда онъ, подобно его основателю, палъ, покинутый ушедшей впередъ революціей. Для первыхъ двухъ лѣтъ революціи газета Мирабо, 350 номеровъ которой составляютъ не менѣе 71 большого тома въ 600 печатныхъ страницъ каждый, имѣетъ выдающееся значеніе.

4. Жирондистская печать.

Еще до образованія жирондистской партіи уже существовала жирондистская печать, т. е. еще до сформированія этой партіи въ Законодательномъ Собраніи на страницахъ нѣкоторыхъ демократическихъ газетъ уже велась энергичная пропаганда представленныхъ ею политическихъ взглядовъ и требованій. Важнѣйшія изъ этихъ газетъ были: редактировавшаяся Жанъ-Пьеромъ Браско „Patriote français“; „Courrier de Paris à Versailles et de Versailles à Paris“ (позднѣе переименованная въ „Courrier des Départements“), основанная Антуаномъ Жозефомъ Горсасъ, передъ началомъ революціи завѣдывавшимъ однимъ изъ версальскихъ пансіоновъ; далѣе,

„Chronique de Paris“, издававшаяся съ 24 августа 1789 г. Милленомъ и Ноэлемъ, при сотрудничествѣ Кондорсе и Рабо Сентъ-Этьена, и редактировавшаяся Жаномъ-Луи Карра ежедневная „Annales patriotiques“. Впослѣдствіи къ нимъ примкнули „Journal de Paris“, во главѣ которой стоялъ Жозефъ Гара (министръ юстиціи во время господства Конвента), и основанная въ маѣ 1792 г. адвокатомъ и любимцемъ г-жи Роланъ, Жаномъ-Батистомъ Лувэ „Journal-affiche“ (т. е. газета, расклеивавшаяся и раздававшаяся на улицахъ), „La Sentinelle“ („Строжевой постъ“). Хотя эти изданія до октября 1792 г., когда жирондистами была поведена серьезная атака на якобинцевъ, въ своихъ оцѣнкахъ политическихъ событій во многомъ расходились, все-таки въ цѣломъ всѣ они проводили одну тенденцію, особенно въ области экономической политики.

Минье въ своей „Исторіи Французской Революціи“ характеризуетъ жирондистовъ законодательнаго Національнаго Собранія какъ партію, которая „представляла посредствующее звено между среднимъ сословіемъ и массой“; а говоря о партійныхъ группировкахъ въ первомъ Національномъ Конвентѣ, онъ дополняетъ эту характеристику слѣдующими словами: жирондисты заняли *среднее положеніе между высшимъ классомъ буржуазіи и низшимъ классомъ — массой, „multitude“*. „Они потеряли“, говоритъ онъ, „поддержку конституціоналистовъ, не приобрѣвъ поддержки демократовъ, и на ихъ сторонѣ не были ни высшій, ни низшій слои общества.. Жирондисты послѣ 10-го августа (низложенія короля) заняли между среднимъ сословіемъ и массой такое же положеніе, какое монархисты или партія Неккера и Мунье заняли послѣ 24 іюля между привилегированными сословіями и буржуазіей“.

Эта характеристика, если принять во вниманіе терминологию Минье, т. е. если подъ среднимъ сословіемъ понимать богатую буржуазію, а подъ народомъ — буржу-

азію мелкую, въ цѣломъ довольно вѣрна, но позиція, занимаемая жирондистами въ хозяйственныхъ группировкахъ того времени, должна быть опредѣлена болѣе точно. Если выраженіе „среднее сословіе“ взять въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается теперь, т. е. если обозначать имъ слой, который находится между богатыми предпринимателями и рабочимъ классомъ, тогда жирондисты окажутся представителями не средняго сословія вообще, а спеціально зажиточной, имущей части средняго сословія, именно, *средней дѣловой буржуазіи*. Если мы присмотримся къ политической позиціи, занятой различными хозяйственными группами въ 1790—1792 г.г., то мы увидимъ, что богатые финансисты, держатели монополій и откуповъ, крупные поставщики для государства и двора, спекулянты зерномъ и жизненными припасами („*assapareurs*“, какъ ихъ называли тогда въ демократической прессѣ), отчасти также наиболѣе богатые парижскіе и ліонскіе фабриканты предметовъ роскоши, сначала большей частью были на сторонѣ аристократическо-конституціонной партіи, позднѣе на сторонѣ *feuillants* овъ. Округъ „*Filles Saint-Thomas*“ въ Парижѣ, въ которомъ тогда, какъ нынѣ въ берлинскомъ Tiergartenviertel, жилъ, главнымъ образомъ, цвѣтъ высшей дѣловой буржуазіи, былъ однимъ изъ реакціоннѣйшихъ парижскихъ округовъ. Въ высшей степени характерно, что когда въ концѣ сентября 1779 г. мэру Парижа Байльи было предложено принять мѣры противъ „клеветническихъ“ демократическихъ парижскихъ газетъ, то доносъ былъ сдѣланъ именно этимъ округомъ.—„Я“, писалъ уже тогда по этому поводу Марать въ своемъ „Другѣ Народа“, „счелъ бы это невѣроятнымъ, если бы не зналъ, что этотъ округъ — округъ мѣнялъ, банкировъ, финансистовъ, спекулянтовъ, т. е. всѣхъ тѣхъ, которые свое счастье основываютъ на разореніи дру-

гихъ, которые откармливаются кровью народовъ, и жадность которыхъ это—настоящая чума, одна изъ главныхъ причинъ народной нищеты“.

Этотъ избраннѣйшій цвѣтъ тогдашней буржуазіи далъ жирондистамъ лишь немного приверженцевъ,—въ этомъ Минье совершенно правъ. Въ гораздо большей степени жирондистская партія была парламентской представительницей средней дѣловой буржуазіи, въ особенности той зажиточной *торговой группы*, которая требовала уничтоженія старинныхъ внутреннихъ пошлинъ, налоговъ и другихъ стѣснительныхъ поборовъ. Этимъ вполне объясняется то, что главныя опорные пункты жирондисты нашли въ дѣловыхъ кругахъ и ведущей процессу дѣловой буржуазіи адвокатурѣ юго-западныхъ торговыхъ французскихъ городовъ, а также въ дѣловыхъ округахъ Парижа. Этой партіи держалась также большая часть средней промышленной буржуазіи и состоятельныхъ, болѣе крупныхъ ремесленниковъ—хозяевъ, которыхъ тогдашнія газеты, въ отличіе отъ мелкихъ ремесленниковъ, „*maîtres-ouvriers*“, называли „*artisans*“; и, наконецъ, въ числѣ ея приверженцевъ мы находимъ нѣкоторую часть чиновниковъ государственной и муниципальной службы, недовольныхъ произволомъ, господствовавшимъ въ старыхъ административныхъ учрежденіяхъ.

Само собою разумѣется, это опредѣленіе хозяйственно-политическаго состава жирондистской партіи не должно быть понято въ томъ смыслѣ, что только перечисленные круги выбирали жирондистскихъ депутатовъ; оно справедливо въ томъ смыслѣ, въ какомъ, напримѣръ, нынѣ можно считать свободомыслящую партію представительницей въ германскомъ рейхстагѣ интересовъ крупной торговли, биржи и пароходства, а германскихъ консерваторовъ — представителями крупнаго землевладѣнія.

Если бы остъ-эльбскіе юнкера въ выборахъ въ рейхстагъ имѣли за себя только крупныхъ землевладѣльцевъ, то ни одинъ изъ нихъ никогда не попалъ бы на парламентское кресло. Ихъ избраніе становится возможнымъ только благодаря тому, что въ ихъ избирательныхъ округахъ за нихъ подають голоса не только большая часть среднихъ и мелкихъ крестьянъ, но также много мелкихъ буржуа провинціальныхъ городовъ, и даже иные сельскіе и городскіе рабочіе. Точно такимъ же образомъ мы находимъ въ рядахъ приверженцевъ жирондистовъ нѣкоторые мелкобуржуазные элементы, въ особенности въ 1791 и 1792 годахъ; но ядромъ ихъ арміи, интересы котораго только и опредѣляли, предрѣшали поведение этой партіи, являлась дѣловая буржуазія.

Жирондистская партія защищала какъ въ Законодательномъ Собраніи, такъ и въ Конвентѣ всѣ мѣры, которыя она находила пригодными, чтобы обезпечить такъ называемой честной буржуазіи господство, чтобы устранить стѣсненія торговли и сообщеній, чтобы добиться такого распредѣленія налоговъ, при которомъ состоятельные „добродѣтельные“ буржуа были бы не очень обременены и не пострадалъ „принципъ собственности“. Когда послѣ сентябрьскихъ убійствъ (2 сентября 1792 г.) въ Парижѣ господство перешло къ якобинской мелкой буржуазіи, когда, при установленіи новыхъ налоговъ, она стала возлагать все большее бремя на имущихъ, бѣдноту же, по возможности, старалась щадить; когда она, наконецъ, дерзнула даже нарушить „свободу“ торговли и промысла введеніемъ такты на жизненные припасы, — тогда жирондистская партія бросилась въ яростную оппозицію. Она повела фанатическую борьбу противъ якобинскихъ „ультра-революціонеровъ“, „анархистовъ“, противъ „бестій“ парижской коммуны — борьбу, закончившуюся на эшафотѣ.

Самое замѣчательное изъ жирондистскихъ изданій, это основанная Жанъ-Пьеромъ Бриссо, въ первые годы редактировавшаяся имъ самимъ, а затѣмъ Жире-Дюпре, „Patriote français“, — ежедневная газета, въ 4 страницы in quarto, первоначально почти исключительно ограничивавшаяся отчетами о засѣданіяхъ Національнаго Собранія и комментаріями къ нимъ. Но въ мартѣ 1790 года она увеличила свой объемъ приложеніями; привлеки къ сотрудничеству многихъ извѣстнѣйшихъ тогда политическихъ дѣятелей, между ними Кондорсе, Грегуара, Лантена, Керсэна, Петіона и Пэна, она стала давать, кромѣ парламентскихъ отчетовъ, небольшія статьи, очерки, письма, замѣтки и т. д.

Бриссо, во время пребыванія своего въ Англіи присоединившій къ своему имени приставку „де-Варвилль“ (по мѣсту своего рожденія — Варвилль близъ Шартра), несомнѣнно, принадлежитъ къ талантливѣйшимъ журналистамъ Французской революціи. Онъ не обладалъ ни остроуміемъ Камилла Демулена, ни страстностью Марата, ни литературнымъ размахомъ Фрерона. Онъ писалъ простымъ, яснымъ, академическимъ французскимъ языкомъ, но онъ умѣлъ, когда было нужно, находить теплыя, увлекающія слова. Бриссо обладалъ значительными историческими, юридическими и политико-экономическими познаніями. Во время своего многолѣтняго пребыванія въ Англіи онъ изучилъ англійское государственное право и англійскую исторію, усердно занимался изученіемъ хозяйственныхъ и финансовыхъ отношеній Англіи и ея колоній; затѣмъ, по возвращеніи въ Парижъ, онъ опубликовалъ, кромѣ многихъ мелкихъ сочиненій, извѣстную работу, часто ошибочно выдаваемую за социалистическую — „Théorie des droits criminelles“ („Теорія уголовного права“) и „Lettres philosophiques sur l'histoire d'Angleterre“ („Философскія

письма объ исторіи Англіи"). Развиваемыя въ этихъ сочиненіяхъ идеи часто выдають вліяніе тогдашняго англійскаго либеральнаго радикализма, и въ своей журнальной дѣятельности онъ также является англійскимъ радикаломъ. Мы находимъ у него ту-же переоцѣнку парламентаризма, ту-же любовь къ законности, такое-же пониманіе нуждъ реальной жизни, такую-же утилитарно-раціоналистическую точку зрѣнія, — все это, правда, смягченное французскимъ темпераментомъ и французскимъ остроуміемъ. Въ силу этого, Бриссо смотрѣлъ на Національное Собраніе, какъ на истиннаго носителя Французской революціи, и цѣлью движенія считалъ установленіе парламентски - обеспеченнаго политическаго правового порядка, совершенно порывающаго со старыми государственными и цеховыми стѣсненіями торговли, промысловъ и сообщенія, гарантирующаго каждому свободное пользованіе своими хозяйственными силами и опирающагося на тотъ широкій народный слой, который Бриссо считалъ наиболѣе полезнымъ и цѣннымъ для тогдашней хозяйственной жизни, — на самостоятельную зажиточную буржуазію.

Поэтому возстанія парижскаго населенія кажутся Бриссо лишь постольку умѣстными, поскольку они преслѣдуютъ задачу — сломить сопротивленіе прежнихъ привилегированныхъ сословій парламентскимъ постановленіямъ, и поскольку они помогаютъ Національному Собранію продолжать свое дѣло переустройства государства. Всякія-же другія возстанія, не преслѣдующія этой цѣли, вызванныя нуждой или революціонной страстностью массы и направленныя на достиженіе какихъ-либо незаконныхъ временныхъ выгодъ или даже противъ постановленій и распоряженій большинства Національнаго Собранія, противъ заявленной „воли націи“, — вредны и преступны.

Уже вскорѣ послѣ основанія „Patriote français“, въ немъ стали высказываться эти взгляды, особенно когда 5 и 6 октября парижскій народъ предпринялъ извѣстный походъ на Версаль. То, что это возстаніе припугнуло короля и дворъ, пришлось Бриссо и его единомышленникамъ очень кстати. Но самостоятельность и страстная дерзость парижской мелкой буржуазіи претили ихъ буржуазному чувству порядка. И это недовольство, которое раздѣлялось всей почтенной парижской буржуазіей, показалось суду реакціоннаго округа Шателе, въ вѣдѣніи котораго находилась вся парижская пресса, удобнымъ поводомъ, чтобы начать кампанію противъ ультра-революціонной печати. 8 октября судъ издалъ приказъ объ арестѣ Марата за оклеветаніе представителей парижской общины и возбужденіе парижскаго населенія къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Противъ этого энергично возстала вся крайняя демократическая пресса съ еженедѣльникомъ „Révolutions de Paris“ во главѣ, а руководимый Дантономъ округъ Корделье, въ которомъ жилъ Марать, 16 октября публично заявилъ протестъ противъ этого, объясняя, что свобода печати „неизбѣжное слѣдствіе свободы индивидуума“. Бриссо, тогда уже представитель парижской общины, наоборотъ, защищалъ въ своей газетѣ мѣры, предпринятыя противъ печати, хотя еще только недавно онъ въ высокопарнѣйшихъ выраженіяхъ восхвалялъ свободу печати.

„Какъ“, пишетъ онъ, „изготовителя адской машины можно арестовать, человѣка-же, который своими клеветами останавливаетъ народъ противъ высшихъ и однихъ мнѣній противъ другихъ, нельзя? Въ подобномъ теперешнему положеніи требовать свободы печати, это значитъ требовать, чтобы мы добровольно позволили себя убивать. Пусть стѣсненія печати проти-

ворѣчать человѣческимъ правамъ, но въ военное время человѣческія права упраздняются и уступаютъ мѣсто принципу самосохраненія“.

Приверженность крупной буржуазіи къ порядку одержала верхъ надъ всѣми ранѣе возвышенными красивыми свободолюбивыми принципами. И органъ Бриссо не единственный, который занялъ такую позицію въ жирондистской печати. Редактируемый Горсасомъ „*Concierger de Paris*“ также забываетъ свои прежнія декламации о свободѣ. Когда 18-го октября, испуганная мнимой „наглою распушенностью“ низшей „народной толпы“, парижская буржуазія воспользовалась своимъ вліяніемъ на городское управленіе для того, чтобы представители парижской общины отправили депутацію въ Національное Собраніе съ ходатайствомъ объ изданіи „*военнаго закона*“ противъ сборищъ и насилій, и „представители французской націи“, ихъ единомышленники, дѣйствительно приняли такой драконовскій исключительный законъ, то газета Горсаса по этому поводу писала:

«Военный законъ, привѣтствованный всѣми друзьями порядка и мира, хотя и надѣются, что необходимость въ немъ скоро минуетъ, находитъ въ Парижѣ много противниковъ. Нѣкоторые округа осуждаютъ этотъ законъ, а округъ Saint Martin-des-Champs вздумалъ даже потягаться властью съ Національнымъ Собраніемъ. Надъ этой оппозиціей очень смѣются, — ибо въ Парижѣ все еще смѣются, несмотря на обстоятельства, въ которыхъ мы находимся. Смѣются, что какая-нибудь шестидесятая часть города, избранные которой вмѣстѣ съ избранниками остальныхъ 59 округовъ могутъ послать лишь небольшое число представителей въ Національное Собраніе, такъ много себѣ позволяютъ, не имѣя на это никакого другого права, кромѣ присвоеннаго ею самой, никакой другой власти, кромѣ

власти, предоставляемой ей теперешней анархіей. Смѣются, что эта жалкая власть, которая простирается лишь на нѣкоторые, болѣе или менѣе неважныя, полицейскія дѣла, возводитъ себя въ трибуналъ и позволяетъ себѣ протестовать противъ декрета Національнаго Собранія».

Горсасъ резонерствуетъ затѣмъ по поводу агитаціи «недовольныхъ», которые пользуются декретомъ, чтобы подкопаться подъ Національное Собраніе, требуетъ учрежденія муниципальнаго полицейскаго корпуса, который не допускалъ бы никакихъ собраний и заставилъ-бы жителей недовольныхъ округовъ вернуться къ ихъ «лавамъ, дѣламъ и бюро». Кончаетъ онъ требованіемъ, чтобы Національное Собраніе строго наказывало всякое нѣуваженіе къ его власти.

Таковы взгляды жирондистской печати спустя три мѣсяца послѣ взятія Бастиліи. А означенный военный законъ ни въ коемъ случаѣ не былъ шуткой. Онъ далъ парижскому муниципалитету право каждое сборище, послѣ троекратнаго требованія расходиться, разгонять вооруженной силой, и постановилъ, что «подстрекатели» и предводители «вооруженнаго возстанія» могутъ быть приговорены къ смерти, «возстанія невооруженнаго» — къ тремъ годамъ заключенія. Простые участники возстанія, если при нихъ не оказалось оружія, наказываются 1 годомъ заключенія; если при нихъ оказалось какое нибудь оружіе — 3 годами; а за доказанное участіе въ насильственныхъ дѣйствіяхъ приговариваются къ смертной казни.

Этотъ-то контръ-революціонный, драконовскій исключительный законъ нашелъ защиту въ жирондистскихъ изданіяхъ, и по поводу т. наз. „неуваженія“ къ нему со стороны нѣкоторыхъ парижскихъ округовъ эти жирондистскія изданія взывали къ Національному Собра-

нію. А между тѣмъ, даже на собраніи гражданъ округа St. Martin-des-Champs только и произошло, что одинъ изъ ораторовъ внесъ наивное предложеніе, не допустить приведенія въ исполненіе этого закона въ ихъ округѣ, и что собраніе, по предложенію своего предсѣдателя, постановило послать депутацію въ парижскій муниципалитетъ, съ требованіемъ ходатайствовать предъ Національнымъ Собраніемъ объ отмѣнѣ декрета.

Такъ же точно держались и впослѣдствіи жирондисты. Всѣ возстанія и мятежи, которые вели къ ослабленію королевской власти и реакціонныхъ партій и къ дальнѣйшему усиленію парламента, находили сочувствіе въ жирондистской печати. Всякая же попытка радикальной парижской мелкой буржуазіи пріобрѣсть рѣшительное вліяніе на парижское городское управленіе, на Національное Собраніе или управленіе государствомъ встрѣчало у нихъ, наоборотъ, рѣшительный отпоръ. Такъ, напр., когда генераль маркизь де-Буйлье 31 августа 1790 г. въ Нанси приказалъ перебить нѣсколько сочувствовавшихъ населенію полковъ, за неповиновеніе роялистскимъ офицерамъ, — то главные органы жирондистской печати пришли въ ярость, и особенно „Patriote français“ въ рѣзкихъ выраженіяхъ напалъ на аристократовъ. Но когда якобинцы 17-го іюля 1791 г. устроили собраніе на Марсовомъ полѣ для подписанія петиціи, требующей уничтоженія королевской власти, и Лафайетъ, чтобъ воспрепятствовать подписанію, приказалъ стрѣлять въ массы, не повиновавшіяся приказу разойтись, то большинство жирондистскихъ газетъ выразило восторженное одобреніе этой атакѣ шута „двухъ міровъ“. Правда, „Patriote français“ энергично возстаетъ противъ „нарушенія права петицій гражданъ“ — вѣдь Бриссо самъ принималъ участіе въ составленіи этой петиціи, -- но и онъ не могъ при этомъ случаѣ

удержаться, чтобы не порезонерствовать на счетъ демагогіи.

Зато Горсасъ въ своемъ „Courrier“ объявляетъ эту бойню совершенно справедливой и хвалитъ національную гвардію за исполненіе приказа Лафайета.

„Парижская національная гвардія, гражданская гвардія“, пишетъ онъ, „я почитаю себя счастливымъ, что состою вашимъ сочленомъ; я осудилъ бы васъ, если бы вы въ чемъ-нибудь провинились; но я долженъ васъ оправдать, такъ какъ вы только исполнили свой долгъ“.

А „Annales patriotiques“ разрѣшились даже длинной хвалебной пѣснью въ честь Лафайета, въ которой петиціонеры Марсова поля объявлялись „подкупленными аристократами разбойниками“. Этотъ страхъ предъ „multitude“, предъ низшими слоями народа, проходитъ черезъ всю политику жирондистскихъ вожаковъ. Этотъ же страхъ заставилъ жирондистскую печать, несмотря на всѣ обвинения и нападки дѣйствительно демократическихъ газетъ на Лафайета, еще въ концѣ осени 1791 г. вступить за этого опереточнаго героя. Ничего нѣтъ смѣшнѣе утвержденій буржуазныхъ историческихъ произведеній, что жирондисты тогда еще сами заблуждались на счетъ Лафайета. Это значитъ считать жирондистовъ идіотами, а идіотами они не были. Наоборотъ, они насчитывали в своей средѣ нѣсколько самыхъ способныхъ политическихъ дѣятелей тогдашней Франціи. Причина такого ихъ отношенія къ нападкамъ демократической партіи на Лафайета была совершенно иная: они видѣли въ Лафайетѣ личность, которая одна была въ состояніи предохранить отъ „вырожденія“ парижскую національную гвардію, т. е. отъ того, чтобы радикальные парижскіе слои взяли въ ней верхъ. Для жирондистовъ такое радикализированіе національной гвардіи было такъ же нежелательно, какъ и ея переходъ въ роялистскій лагерь. Она должна была

остаться защитой солидной зажиточной буржуазии. Конечно жирондистская пресса сама в этом признается; такъ, напр., „Patriote“ еще в апрѣлѣ 1791 года пишетъ:

„Господинъ Лафайетъ патріотъ всѣмъ сердцемъ, и я не знаю, найдется-ли среди многочисленныхъ патріотовъ, его соперниковъ, хоть одинъ, который съ такой же готовностью взойдетъ бы на эшафотъ. Господинъ Лафайетъ обладает однимъ свойствомъ, котораго нѣтъ ни у кого изъ французскихъ военныхъ и долгое время еще не будетъ. потому что это такое свойство, котораго нельзя приобрести во Франціи и вообще нигдѣ въ европейскихъ войскахъ: онъ обладаетъ хладнокровіемъ, спокойствіемъ, снисходительностью къ оскорбленіямъ... Это двѣ различныя вещи,—командовать вымуштрованными автоматами и командовать солдатами-гражданами, свободными солдатами. Господинъ Лафайетъ изучилъ это искусство въ Америкѣ, и онъ, можетъ быть, единственный обладатель этого секрета. *Другіе* командовали только французскими солдатами; онъ командовалъ американцами, людьми, которые могли не соглашаться съ генераломъ, которые повиновались только разумнымъ доводамъ. Въ этомъ смыслѣ французы теперь американцы; каждый офицеръ, который вздумаетъ обращаться съ нами на прусскій манеръ, долженъ будетъ проливать кровь или же прольется его собственная“.

Жирондистскія изданія, впрочемъ, и сами считали себя представителями „*благовоспитанной*“ буржуазіи, а не массы. Мы часто встрѣчаемъ въ ихъ писаніяхъ попытки доказать, что „свобода“ не можетъ покоиться ни на дворянствѣ, ни на „*старой буржуазіи*“ („*Vieux bourgeoisie*“,—такъ назывался возникшій еще при старомъ порядкѣ богатый слой финансистовъ, откупщиковъ, крупныхъ купцовъ, хлѣбныхъ спекулянтовъ и т. д.), ни на массѣ, не имѣющихъ собственности. Только слой

состоятельныхъ буржуа даетъ свободѣ нужный фундаментъ. Въ концѣ ноября 1791 г. въ одной статьѣ, напечатанной въ „*Patriote français*“, говорится, напр., слѣдующее:

„*Старая* буржуазія совершенно индифферентна; равенство нравится ей не само по себѣ, но только потому, что въ ея интересахъ, чтобы надъ ней не было никакихъ старшихъ. Буржуазная аристократія, быть можетъ, худшее изъ золъ, вызванныхъ декретами, не вполне гармонирующими съ основами нашей конституціи. Зло это, которое недостаточно ясно себѣ представляютъ въ департаментахъ, легко можетъ въ одинъ прекрасный день уничтожить конституцію. Буржуа хочетъ занять мѣсто дворянина, а ремесленнику (*artisan*) уступить свое мѣсто. Несмотря на это, послѣдній всегда истинный защитникъ, искренній другъ революціи; только онъ посѣщаетъ избирательныя собранія, только изъ него составляется національная гвардія, которая поддерживаетъ революцію, только онъ достоинъ свободы, ибо только онъ обладаетъ добрыми нравами“.

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть и на агитацію въ пользу республиканской формы правленія, которая была предпринята въ жирондистской печати въ серединѣ 1790 г. и послѣ бѣгства короля въ Вареннъ дошла до ожесточенныхъ нападокъ на королевскую власть. Нѣкоторые историки изъ этой пропаганды выводятъ заключеніе, что вожди жирондистовъ были вначалѣ сторонниками еще болѣе крайнихъ политическихъ воззрѣній, чѣмъ даже робеспьеристы и маратисты. Если бы эти господа, вмѣсто того, чтобы комбинировать, поближе познакомиться съ республиканскими воззрѣніями жирондистовъ, они пришли бы къ другому результату.

Первыя рѣчи въ пользу учрежденія французской республики мы находимъ въ газетѣ Камилла Демулена,—но дѣлается это до нѣкоторой степени *en passant*, какъ

угроза противъ роялистскихъ домогательствъ. Серьезно принимается за пропаганду республиканской идеи лишь въ октябрѣ 1790 г. «Mercure national», умѣренно-либеральная газета, предназначенная, главнымъ образомъ, для ученыхъ. Ея примѣру слѣдуетъ въ декабрѣ 1790 г. (№ 498 отъ 19 дек.) «Patriote français», въ статьѣ о произведеніи Робера, посвященномъ республиканизму; къ ней затѣмъ присоединились еще нѣкоторыя другія жирондистскія газеты.

Но до бѣгства короля въ іюнѣ 1791 г. обсужденіе этого вопроса носило почти чисто академическій характеръ. Только послѣ возвращенія короля начинается жирондистская пропаганда въ пользу учрежденія Французской республики. Кондорсе-Ролановское правое крыло этой партіи основало даже въ іюлѣ 1791 г. съ этой цѣлью специальную газету „Republicain ou le Défenseur du gouvernement representatif“. („Республиканецъ или защитникъ представительнаго правленія“), которая, однако, по недостатку подписчиковъ, вскорѣ вынуждена была прекратить свое существованіе.

Республиканская мысль нашла, слѣдовательно, своихъ агитаторовъ именно среди либераловъ умѣренного направленія, тогда какъ крайнія демократическія газеты не только отклоняли ее, но даже заподозривали планы жирондистовъ въ реакціонности. Такъ, напр., Маратъ пишетъ въ своемъ «Другѣ народа» 17 февраля 1791 г.: «Я игнорирую то, что контръ-революціонеры хотятъ заставить насъ перемѣнить форму правленія. Я хорошо знаю, что очень ограниченная монархія (la monarchie très limitée) и есть та форма правленія, которая, при нынѣшнихъ условіяхъ, наиболѣе намъ подходитъ. Федералистическая республика слишкомъ скоро выродилась-бы въ олигархію». А о Робеспьерѣ г-жа Роланъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ, послѣ

бѣгства короля, въ разговорѣ съ Петіономъ и Бриссо, на замѣчаніе ихъ, что бѣгство это подготавливаетъ общественное мнѣніе къ республикѣ, со своимъ обычнымъ смѣхомъ спросилъ: «Что это такое, республика?»

Кажется страннымъ, что какъ-разъ радикальные демократы, въ послѣдствіи энергичнѣе всѣхъ отстаивавшіе республику, еще въ 1791 году такъ мало ею интересовались. Ихъ поведеніе, однако, объясняется просто тѣмъ, что жирондисты защищали не республику вообще, но, хотя и наполовину скрыто, *опредѣленный родъ республики, такой именно, который обезпечилъ бы господство представленной ими буржуазіи*: они хотѣли чего-то вродѣ федералистической республики, т. е. большей самостоятельности департаментовъ, ослабленія вліянія Парижа и, затѣмъ, учрежденія сената, на подобіе американскаго, какъ противовѣса т. называемымъ крайне-демократическимъ элементамъ Національнаго Собранія.

Но демократы и слышать не хотѣли о такой республикѣ по американскому образцу. Противъ республики вообще,—писалъ Робеспьеръ, въ первомъ номерѣ своего „Défenseur de la Constitution“,—онъ ничего не имѣлъ бы, но онъ рѣшительно противъ „республики съ аристократическимъ сенатомъ“.

„Я республиканецъ! Да, я буду защищать принципы равенства и священные права, которыя даетъ народу конституція, противъ опасныхъ системъ тѣхъ интригановъ, которые на нее (конституцію) смотрятъ только, какъ на орудіе своего честолюбія. Я предпочитаю народное представительное собраніе и свободныхъ, уважаемыхъ гражданъ, имѣющихъ во главѣ короля,—порабощенному и униженному народу, подчиненному бичу аристократическаго сената и диктатора... *Развѣ рѣшеніе великой соціальной проблемы заключается въ словахъ республика или монархія? Развѣ вопросъ о сча-*

стью или несчастия народов рѣшаютъ опредѣленія, придуманныя дипломатами въ цѣляхъ классификаціи различныхъ формъ правленія, а не совокупность законовъ и учреждений?“.

Это стремленіе, обезпечить дѣловой буржуазіи господство, и есть также тотъ мотивъ, который зимой 1791 — 92 г. заставилъ жирондистовъ агитировать въ пользу объявленія войны Австріи. Если мнѣніе фонъ-Зибеля, что тогдашняя Франція, если только не принимать во вниманіе производившихся эмигрантами въ вормскомъ и трирскомъ епископствахъ вооруженій, не имѣла никакого повода къ международнымъ осложненіямъ, — еще менѣе основательно, чѣмъ противоположный, французскій взглядъ, что Франція была вовлечена въ войну противъ собственной воли, то за то вполнѣ справедливо, что послѣ того, какъ въ декабрѣ 1791 г. въ парижскихъ политическихъ кругахъ войну съ Австріей склонны были считать „неизбѣжной“, жирондистская печать тотчасъ же подняла чрезвычайно энергичную агитацію за объявленіе войны. Зибель объяснилъ себѣ этотъ воинственный пылъ Жиронды ея намѣреніемъ уничтожить монархическую конституцію 1791 г. Для этого, по его мнѣнію, она нуждалась въ новомъ броженіи: *„ей нужно было сильнымъ возбуждающимъ средствомъ снова бросить народную массу на путь якобинства“*. Въ дѣйствительности-же, побудительнымъ мотивомъ было у жирондистовъ именно желаніе держать крайнихъ якобинцевъ подальше отъ управленія государствомъ и обезпечить власть „добродѣтельнымъ“ и „имушимъ“ буржуа. Послѣ неудачи съ ея, вытекающей изъ тѣхъ же мотивовъ, агитаціей въ пользу республиканскаго образа правленія, жирондистская пресса, и раньше всѣхъ „Patriote français“, предпринимаетъ весной 1791 г. энергичную пропаганду парламентарнаго

образа правленія, подѣ девизомъ: „un roi avec un conseil électif et amovible“ (король съ избираемымъ и отвѣтственнымъ министерствомъ). Королю должно быть предоставлено только внѣшнее представительство, а собственно исполнительная власть предоставляется избранному націей „Conseil“ (коллегіи министровъ).

Успѣшная война съ Австріей казалась Жирондѣ средствомъ, пригоднымъ для введенія этого парламентарнаго образа правленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, укрѣпленія ея господства. Жирондисты разсуждали такъ. Если Франція побѣдитъ, то возрастетъ также вліяніе партіи, которая настояла на войнѣ. Кромѣ того, война, во всякомъ случаѣ, ослабитъ положеніе короля. Если послѣдній будетъ держать себя совершенно пассивно, то онъ этимъ лишится симпатій иностранныхъ правителей; онъ изолируетъ себя и вскорѣ увидитъ себя вынужденнымъ опереться на самую сильную партію, Жиронду; если же онъ начнетъ конспирировать съ иностранными правительствами, то совершенно расшатаетъ свою власть, и тѣмъ легче потомъ будетъ его устранить.

Кромѣ того, жирондисты разсчитывали на то, что побѣдоносная война ослабитъ революціонный безработный элементъ парижскаго населенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принесетъ Франціи матеріальныя выгоды. Я часто находилъ въ „Patriote français“ указанія на то, что война совершенно измѣнитъ „лицо земного шара“ и что одновременно съ политическимъ значеніемъ Франціи *подымется также и ея кредитъ*.

Судя по этому, жирондисты были не только добрыми буржуа, но и искусными политиками. Тактика ихъ обнаруживала вѣрное пониманіе тогдашняго политическаго положенія. Выборы въ Законодательное Собраніе создали имъ тамъ парламентскій перевѣсъ; но еще больше господствовали ихъ приверженцы въ департаментскихъ

и муниципальных управлений, и даже въ Парижѣ. Даже въ клубѣ якобинцевъ господствовала Жиронда. Она избрала Бриссо въ президенты, между тѣмъ какъ вожакъ радикальнаго направленія Робеспьеръ, несмотря на свою энергичную дѣятельность въ пользу клуба, долженъ былъ удовольствоваться ролью секретаря. Какъ извѣстно, король былъ вынужденъ уже 10 марта 1792 г., слѣдовательно, еще за шесть недѣль до официальнаго объявленія Законодательнымъ Собраніемъ войны, призвать жирондистское министерство Дюмуре-Ролана-Клавіера-Дюрантона. И если, несмотря на это, расчеты жирондистовъ въ остальномъ оказались неудавшимися, то лишь потому, что они полагали, какъ нѣчто само собой разумѣющееся, что французскія войска достигнутъ быстрыхъ успѣховъ. Но на дѣлѣ, французскія революціонныя войска потерпѣли на первыхъ порахъ нѣсколько поражений; дворъ этимъ воспользовался для новыхъ попытокъ къ государственному перевороту, и этимъ провоцировалъ дни 10 го августа и 2-го сентября, утвердившіе въ Парижѣ господство радикальнаго якобинскаго крыла. Нисколько не удивительно, что г. профессоръ фонъ-Зибель не понялъ этихъ плановъ жирондистовъ, если принять въ соображеніе то непониманіе, которое онъ обнаруживаетъ, рассматривая дѣятельность революціонныхъ партій съ ихъ внутренними раздорами. Но зато еще въ январѣ 1792 г. человекъ, о которомъ г. фонъ-Зибель утверждаетъ, что онъ не имѣлъ „никакого понятія объ образѣ мыслей своего противника“, понялъ, какую цѣль преслѣдовали жирондисты, пропагандируя войну. Этотъ человекъ былъ Робеспьеръ. Вначалѣ Робеспьеръ, правда, не рѣшался открыто обвинять жирондистовъ въ стремленіи завладѣть государственной властью; ихъ приверженцы еще господствовали въ клубѣ якобинцевъ, и къ тому же, на этой стадіи революціоннаго развитія по-

добныя обвиненія едва ли были бы понятны даже радикальнымъ элементамъ. Для этого недоставало еще опыта, который дается практической классовой борьбой. Поэтому Робеспьеръ выбралъ средство, которое при данныхъ обстоятельствахъ ему казалось наиболѣе вѣрнымъ, чтобы разстроить планы Жиронды. Спекулируя на недоуверіи низшихъ слоевъ парижскаго населенія къ Лафайету, все возраставшее послѣ бойни, учиненной 17-го іюня 1791 г. національной гвардіей на Марсовомъ полѣ, онъ выступилъ противникомъ пропагандируемой жирондистами войны, доказывая, что было бы опасно предпринять войну подъ предводительствомъ Лафайета, ибо послѣдній можетъ, въ случаѣ побѣды, воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ для установленія политической диктатуры.

Для Робеспьера этотъ аргументъ былъ лишь средствомъ для достиженія его цѣли—помѣшать объявленію войны и, за одно, возбудить подозрѣніе противъ своихъ жирондистскихъ противниковъ, которые послѣ нѣсколькихъ недоразумѣній съ Лафайетомъ опять вступили въ сношенія съ нимъ. Зибель, между тѣмъ, видитъ въ аргументаціи Робеспьера его глубокое убѣжденіе, его серьезнѣйшія мысли, и съ комической наивностью угадываетъ, что Робеспьеръ считалъ всѣ толки о войнѣ только интригой, „затѣянной для того, чтобы поставить Лафайета и Нарбонна во главѣ Франціи“. Что думалъ Робеспьеръ въ дѣйствительности, показываютъ статьи о войнѣ, которыя онъ напечаталъ вскорѣ послѣ наступленія войны, въ маѣ 1792 г., въ своемъ вновь основанномъ еженедѣльникѣ, упомянутомъ нами выше „Défenseur de la Constitution“. Уже во второй своей статьѣ онъ ставитъ вопросъ, какую пользу можетъ принести война революціи. Онъ требуетъ, чтобы война не послужила ни къ выгодамъ двора, ни къ выгодамъ „патрициевъ, интрига-

новъ и спекулянттовъ“. Кого именно онъ разумѣетъ подъ послѣднимъ именемъ, онъ пока не говоритъ. Но уже въ третьемъ номерѣ своей газеты онъ высказывается яснѣе. На ряду съ приверженцами деспотизма и умѣренными, говоритъ онъ тамъ, „*есть еще третій классъ*“, стремленія котораго направлены къ тому, чтобы обезпечить себѣ пріятности власти. „Извѣстнѣйшіе вожаки фракціи, которую я здѣсь имѣю въ виду“, говоритъ онъ дальше, „*это господа Бриссо и Кондорсе; послѣ этихъ именъ называютъ еще имена нѣсколькихъ депутатовъ изъ Бордо — г.г. Гаде, Верньо, Жансонне и т. д.*“

Не Лафайетъ, а стремленіе жирондистскихъ вождей захватить въ свои руки власть казалось ему при тогдашнихъ обстоятельствахъ наиболѣе опаснымъ, хотя онъ и допускалъ возможность (если судить по его дальнѣйшимъ заявленіямъ) союза бриссотистовъ съ генераломъ Моттье (Лафайетъ), для болѣе прочнаго обоснованія ихъ господства.

Когда Жиронда увидѣла, что она обманулась въ своихъ надеждахъ овладѣть государственной машиной, ея газеты обуяла ожесточенная ярость. Нелѣпая демонстрація 20-го іюня 1792 г., съ трехчасовымъ дефилированіемъ парижанъ въ залѣ засѣданія Законодательнаго Собранія, изображена въ жирондистскихъ газетахъ, какъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ актовъ „*сознающаго свой долгъ*“ народа,—что совершенно естественно, ибо эта демонстрація была собственнымъ произведеніемъ жирондистовъ. Нѣсколько менѣе велика была радость по поводу успѣха, достигнутаго 10-го августа; все же „*Patriote français*“ разрѣшается слѣдующими радостными аккордами: „Франція исполнила свой обѣтъ. Король, который былъ душой всѣхъ заговоровъ, жертвами которыхъ мы были до сихъ поръ, низложенъ; дворъ, состоявшій изъ заговорщиковъ,

разсѣянъ. Созванъ Національный Конвентъ — предметъ желанія всѣхъ тѣхъ, которые познали глубокія язвы соціального организма; исполнительная власть отдана въ чистыя и искусныя руки; назначены комиссары для того, чтобы пробудить въ нашихъ войскахъ патріотизмъ, который обезпечилъ намъ успѣхъ первой революціи, симпатію ко второй. Все это было дѣломъ *одного дня*..“

Но уже къ концу мѣсяца появляются въ „*Patriote*“ различныя сомнѣнія относительно новаго революціоннаго теченія. Онъ требуетъ, чтобы были устранены комиссары сорока восьми парижскихъ секцій, руководившіе народнымъ возстаніемъ 10-го августа, и чтобы временно были восстановлены въ ихъ правахъ прежніе члены магистрата. Въ номерѣ отъ 29-го августа 1792 г. сказано: „Власти, поставленныя для того, чтобы сообщить политическому механизму революціонное движеніе, съ прекращеніемъ этого движенія должны быть упразднены; ибо эти власти непременно приведутъ къ диктатурѣ, а продолжительная диктатура, или даже диктатура, длящаяся всего нѣсколько дней, ничто иное какъ могила свободы. До тѣхъ поръ, пока временные комиссары парижской коммуны занимались только тѣмъ, что руководили революціей 10-го августа, преслѣдовали заговорщиковъ и слѣдили за подозрительными личностями, патріоты могли съ довѣріемъ относиться къ власти, которая, возникнувъ вмѣстѣ съ броженіемъ, вмѣстѣ съ нимъ должна прекратить и свое существованіе и раствориться въ господствѣ народа. Но когда увидѣли, что эти комиссары продолжаютъ пользоваться своей диктаторской властью, что они узурпируютъ права магистрата; что они упраздняли и снова восстанавливали должности, которыя только магистратъ одинъ можетъ упразднять и восстанавливать; что они распредѣляли между собой мѣста, которыми онъ одинъ долженъ распоря-

жаться; что они увольняли членовъ магистрата, людей, любимыхъ народомъ и имъ избранныхъ, и что, наконецъ, они совершали такіа дѣла, которыя не могутъ быть оправданы даже обстоятельствами, тогда глаза *добрыхъ* гражданъ открылись. Они сказали себѣ, что не для того они два раза завоевывали свободу, чтобы выдать ее интриганамъ, и что они не допустятъ, чтобы на развалинахъ королевскаго и дворянскаго деспотизма возникъ новый деспотизмъ, еще болѣе жестокой, еще болѣе ненавистный“.

Этотъ взглядъ, что революція кончилась, что всѣ справедливыя требованія удовлетворены и что теперь революціонная энергія должна имѣть только одну цѣль,—прогнать иностранныя войска съ французской территоріи и вручить власть „солидной“ буржуазіи,—этотъ взглядъ выступалъ все яснѣе. Такъ, напр., черезъ нѣсколько дней, послѣ событій 2-го сентября, въ газетѣ Бриссо говорится:

„Революція 10-го августа очистила свободную землю, она устрасила враговъ народа, разсѣяла ихъ, свергла ихъ; устранивъ отъ командованія войсками ненадежные элементы, которые тамъ господствовали, она этимъ обезпечила успѣхъ нашего оружія. *Но эта революція должна остановиться*, чтобы не зародилось опасеніе, что она уничтожитъ все ею самой созданное. Никогда еще мы такъ не нуждались въ исполненіи закона, никогда еще не ощущалась такая потребность въ энергичной власти, какъ въ нашемъ теперешнемъ положеніи. Внѣ нашей страны мы должны вести страшную войну; мы должны прогнать врага, своими стопами запятнавшего почву Равенства. Но какъ можемъ мы удачно выполнить эту задачу, когда на правительство постоянно нападаютъ, когда оно постоянно парализуется безпорядочными вспышками, когда оно видитъ себя выну-

жденнымъ одновременно биться противъ внѣшнихъ враговъ и противъ внутреннихъ нападеній? Внутри страны намъ необходимо унимать страсти, уничтожать партійность, удалять зло, усмирять беспокойныхъ, собирать налоги. Какимъ образомъ мы все это осуществимъ, *если вмѣсто всеобщаго разума всюду господствуетъ насилие. если дѣйствіе закона равно нулю?*“

Это прелюдія къ начатому жирондистами сейчасъ же вслѣдъ за открытіемъ Конвента нападенію на представителей парижской мелкой буржуазіи. Уже въ засѣданіи отъ 24 сентября Керсэнь говоритъ отъ лица жирондистовъ:

„Пора строить эшафоты для убійцъ, для тѣхъ, которые зовутъ къ рѣзнѣ... Конвентъ долженъ безъ промедленія взяться за искорененіе анархическаго разбоя. Я предлагаю назначить 4-хъ комиссаровъ, которые изслѣдовали-бы положеніе государства и столицы и *предложили-бы намъ мѣры, необходимыя для обезпеченія общественнаго спокойствія*“.

Что это за мѣры, открываетъ намъ въ слѣдующемъ засѣданіи Ласурсъ:

„Я не хочу, чтобы Парижъ, руководимый интриганми, сталъ для Франціи тѣмъ, чѣмъ Римъ былъ въ римскомъ государствѣ. *Парижъ долженъ быть низведенъ по степени своего вліянія до одной восьмидесять третьей части государства, онъ долженъ быть низведенъ до того значенія, какое имѣетъ всякій другой департаментъ*. Никогда я не подчинюсь его ярму“.

Дѣловая буржуазія хотѣла господствовать, и поэтому политическій центръ тяжести новосозданной республики долженъ былъ перемѣститься въ южные торговые города.

Но одна часть жирондистской печати пока еще сдерживалась; „*Courrier des Départements*“ привѣтствовалъ даже 2-ое сентября кровавыми фразами:

„Мы находимся“, пишетъ онъ, „въ открытой войнѣ

съ врагами нашей свободы. Или мы неизбежно падемъ отъ ихъ руки, или они отъ нашей. Вотъ жестокая альтернатива, передъ которой мы стоимъ“.

Но вскорѣ и газета Горсаса повернула къ тому взгляду, что „septembriseurs“, „анархисты“ парижской коммуны должны быть строго наказаны. Сообща съ другими жирондистскими газетами она открыла походъ противъ якобинцевъ и парижскаго городского управленія, особенно, когда при избраніи мэра провалился жирондистскій кандидатъ, и Пашъ сталъ во главѣ „коммунальной анархіи“, какъ окрестилъ Бриссо парижскій муниципалитетъ.

Въ жирондистской прессѣ стала все явственнѣе проявляться ненависть къ „ультра-революционнымъ“ тенденціямъ кордельеровъ и якобинцевъ. И не только отклоненіе якобинцами школьнаго проекта Кондорсе и поведенная ими пропаганда въ пользу внесеннаго Робеспьеромъ въ Конвентъ 13-го іюля 1792 г. проекта о воспитаніи, — проекта, предлагающаго учрежденіе единой національной школы для всѣхъ дѣтей отъ 5 до 12-лѣтняго возраста и покрытіе школьныхъ расходовъ прогрессивнымъ имущественнымъ налогомъ, — вызвали гнѣвъ жирондистовъ; еще болѣе возмущала ихъ якобинская налоговая политика. Повышеніе дополнительнаго общиннаго налога на недвижимое и движимое имущества въ отдѣльныхъ департаментахъ; отмѣна тюремнаго заключенія за долги; принципиальное постановленіе Конвента отъ 18 марта 1793 г. о введеніи всеобщаго прогрессивнаго подоходнаго налога и, затѣмъ, послѣдовавшій спустя нѣсколько недѣль декретъ Конвента, предоставляющій всѣмъ общинамъ право вводить особые налоги на имущества, въ видахъ изысканія средствъ для регулированія цѣнъ на жизненные припасы соотвѣтственно высотѣ заработной платы и въ предупрежденіе голодной нужды:

такіе законы о налогахъ не принадлежали къ „свободнымъ установленіямъ“, о которыхъ мечтали жирондисты. Какъ, они, добродѣтельные граждане, должны позволять облагать ихъ имущества налогами для того, чтобы ультрареволюціонная масса получала дешевый хлѣбъ! Для того, чтобы предоставить неимущимъ дешевый хлѣбъ, нужно грабить состоятельныхъ людей, лишать купцовъ ихъ барышей и снова ограничить свободу торговли, недавно только введенную стараніями жирондистовъ? Это грѣшило противъ жирондистскихъ понятій о свободѣ. Это была „анархія“.

Когда въ февралѣ 1793 г. парижскія секціи отправили въ Конвентъ делегацію, съ просьбой установить максимальныя цѣны на хлѣбъ, то негодованію жирондистской печати не было границъ.

„Петиціонеры“, глумится газета Бриссо, „хотятъ платить за фунтъ хлѣба 2 су, между тѣмъ какъ вообще онъ стоитъ отъ 4 до 5 су. Rapem et circenses (хлѣба и зрѣлищъ)“, — таковъ былъ крикъ, раздававшійся въ Римѣ изъ устъ тѣхъ, которые готовы были продать свою свободу за нѣсколько унцій хлѣба и за нѣсколько цирковыхъ зрѣлищъ. Этотъ самый крикъ испускаютъ теперь и петиціонеры“.

И когда, вопреки всяческой жирондистской контр-агитаціи, Конвентъ выпустилъ декретъ о максимумѣ, то эта самая газета писала:

„Усилія истинныхъ друзей народа, друзей, желавшихъ уберечь его отъ жестокаго опыта, не старавшихся купить себѣ популярность голосованіемъ за законъ о голодныхъ, не хотѣвшихъ, чтобы Конвентъ скомпрометировалъ себя изданіемъ неосуществимаго декрета, — эти мужественныя и честныя старанія не увѣнчались успѣхомъ... Не будемъ возвращаться къ отдѣльнымъ моментамъ этого засѣданія. Слишкомъ больно, что по

такому простому вопросу не было дано ничего, кроме кучи софизмов... Установлена такса, максимальная цѣна на съѣстные припасы, которая будетъ имѣть силу на извѣстный срок и которая должна удовлетворить при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Что за законъ! Сколько усилий нужно приложить, если хочешь уклониться отъ правильныхъ началъ!"

И когда, вскорѣ послѣ этого, голодныя женщины разграбили нѣсколько пекаренъ, и среди парижскихъ общинныхъ совѣтниковъ нашлось нѣсколько лицъ, которые извиняли этотъ грабежъ нуждой, господствующей въ бѣдномъ населеніи, „Patriote français“ позволилъ себѣ слѣдующую инсинуацію:

„Разбойники вездѣ находятъ себѣ хвалителей; даже въ нѣдрахъ генеральнаго совѣта парижской коммуны нашлись такіе, которые хвалили грабителей за умѣренность и скромность, а также за порядокъ, соблюдавшійся во время грабежа... Этотъ грабежъ называли восстановленіемъ правъ... А Робеспьеръ въ клубѣ якобинцевъ прочиталъ адресъ о причинахъ этого грабежа. Тупость этого адреса объясняется, вѣроятно, тѣмъ отчаяніемъ, которое обнаружилъ Робеспьеръ—что *его народъ* забавлялся такими „ничтожными экспедиціями“.

Пусть умираютъ хоть сотни и тысячи отъ голода; но свобода торговли, законный барышъ крупныхъ и мелкихъ торговцевъ не должны были, по мнѣнію жирондистовъ, быть ограничиваемы или стѣсняемы.

Все рѣзче становились нападки жирондистовъ на „разбойниковъ“, „убійцъ“, „тирановъ“, „кровавыхъ бестій“ Горы и парижской коммуны; все болѣе возрастала ненависть бѣднѣйшаго парижскаго населенія къ „измѣнникамъ“ и „апеллянтамъ“ (такъ ихъ называли за ихъ обращеніе къ народу въ защиту осужденнаго короля), пока, наконецъ, борьба не закончилась арестомъ

и казнью жирондистскихъ вожаковъ. Другой исходъ былъ уже невозможенъ: кто нибудь долженъ былъ сдаться,—или буржуазія дѣловая или демократическая, якобинская мелкая буржуазія.

5. Камилль Демуленъ.

Какъ дѣловая буржуазія нашла представительство своихъ интересовъ въ жирондистской прессѣ, такъ менѣе состоятельная академическая интеллигенція нашла выраженіе своихъ политическихъ взглядовъ въ еженедѣльникѣ Камилла Демулена „Révolutions de France et de Brabant“. Главный кругъ читателей этого журнала, какъ и вообще приверженцевъ въ послѣдствіи образовавшейся партіи дантонистовъ, составляли представители такъ называемыхъ либеральныхъ профессій: большая часть молодыхъ адвокатовъ и врачей, академическіе преподаватели (за исключеніемъ высокихъ по занимаемымъ постамъ и по чинамъ университетскихъ столповъ и руководителей научныхъ институтовъ, большей частью примкнувшихъ къ монархическо-конституціонной партіи), затѣмъ литераторы и художники.

Гуманитарныя науки въ до-революціонной Франціи были альфой и омегой французскаго высшаго образованія; современность разсматривалась какъ-бы сквозь призму классической древности. Слѣдствіемъ этого было то, что въ литературѣ второй половины восемнадцатаго столѣтія проявился своеобразный эстетическій культъ древности,—патетическое возвеличеніе античнаго духа, щеголяніе цитатами изъ римскихъ классиковъ, сравненіе тогдашнихъ историческихъ событій съ аналогичными имъ въ римской исторіи. Свободомыслящая академическая интеллигенція создала себѣ, нѣкоторымъ образомъ, идеальный міръ по образцу республиканскаго Рима;

въ этомъ мірѣ она находила убѣжище всѣмъ своимъ стремленіямъ и надеждамъ на возрожденіе тогдашней Франціи и съ его романтическихъ высотъ она смотрѣла на возникновеніе новаго революціоннаго періода. Но какъ хорошо молодые академики ни знали факты греческой и римской исторіи, какъ хорошо ни были они знакомы съ изреченіями и сентенціями древнихъ авторовъ,—основу, хозяйственный фундаментъ классической государственной жизни, ея историческій смыслъ, они меньше всего понимали. Для нихъ вся внутренняя борьба въ Римѣ и въ Аѳинахъ была лишь борьбой различныхъ умовъ за возвышенные общественные идеалы, почерпнутые изъ глубинъ человѣческаго познанія. Ни у одного слоя населенія тогдашней Франціи не было, поэтому, такого слабаго историческаго пониманія матеріальныхъ факторовъ бушующей вокругъ классовой борьбы, ни одинъ слой населенія не понималъ такъ мало возникающіе экономическіе вопросы, не показалъ себя погруженнымъ, вопреки реальнымъ потребностямъ жизни, въ такую одностороннюю идеологію, какъ этотъ слой революціонной академической интеллигенціи и ея парламентскіе представители, партія дантонистовъ.

Демуленовскія „*Révolutions de France et de Brabant*“ въ высшей степени ясно отражаютъ эти взгляды, какъ содержаніемъ своимъ, такъ равно и распределеніемъ и формой помѣщавшагося въ нихъ матеріала. На журналъ Демулена едва-ли можно смотрѣть какъ на газету или обозрѣніе; ибо то, что онъ даетъ, является скорѣе собраніемъ остроумныхъ литературно-политическихъ фельетоновъ, къ которымъ, въ качествѣ пикантнаго добавленія, присоединены небольшія сатирическія характеристики и каррикатуры. Камиллъ Демуленъ не былъ способенъ на научный-логическій анализъ историческихъ событій и не обла-

далъ даже малѣйшимъ пониманіемъ экономическихъ вопросовъ и фактовъ. У него вся политика его времени съ ея серьезнѣйшими вопросами растворялась, если можно такъ сказать, въ литературно-сатирическихъ фельетонахъ и легкой бесѣдѣ. Непринуженно, не доводя своихъ разсужденій до логическаго конца, онъ обозрѣваетъ тѣ событія недѣли, которыя его интересуютъ; нѣсколькими сатирическими штрихами изображаетъ засѣданія Національнаго Собранія, набрасываетъ изобилующую тонкими сарказмами каррикутуру на того или другого антипатичнаго ему оратора. Затѣмъ онъ внезапно перескакиваетъ съ этого предмета на какія-нибудь политическія событія въ Парижѣ или въ провинціи, погружается въ историческія воспоминанія и, въ концѣ концовъ, обрываетъ свою *causerie* нѣсколькими торопливыми словами или обѣщаетъ вернуться къ поднятому вопросу въ слѣдующемъ номерѣ, не исполняя, однако, своего обѣщанія. Статьи его это—литературно-историческія *quodlibet* („что угодно“), въ которыхъ сатира, насмѣшка и паѳосъ, фантастическіе образы и философскія разсужденія смѣняють другъ друга, часто безъ всякой внутренней связи, безъ всякаго углубленія въ предметъ, но въ элегантномъ и насмѣшливомъ французскомъ стилѣ. Политическіе водевили-попурри!

Въ трудахъ, посвященныхъ Французской революціи, Камилла Демулена часто называютъ талантливѣйшимъ и умнѣйшимъ журналистомъ того времени. Почти съ такимъ же правомъ можно считать умнѣйшимъ журналистомъ настоящаго времени Максимиліана Гардена, на котораго Демуленъ нѣсколько походитъ своими стилистическими кунштшюками, хотя Демуленъ пишетъ гораздо легче, свободнѣе, и только изрѣдка замѣтна у него гарденовская вымученность языка.

Умнѣйшимъ журналистомъ революціоннаго времени

можетъ считать Демулена лишь тотъ, для котораго стиль и остроуміе это все, а мысль, идейное содержаніе мало или ничто. Болѣе глубокія историческія воззрѣнія, пониманіе народно-хозяйственной проблемы, знаніе французскаго государственнаго права, проникновеніе въ народную душу,—всего этого мы напрасно будемъ искать у Демулена, во всѣхъ этихъ вещахъ онъ почти ничего не понимаетъ. Онъ—хорошо владѣющій слогомъ остроумный литераторъ, но не политикъ въ настоящемъ смыслѣ слова и, еще того менѣе, ученый теоретикъ.

Поэтому, даже руководители родственныхъ ему по идеямъ жирондистскаго и якобинскаго теченій очень невысоко цѣнили Демулена-политика. Маратъ высказалъ лишь то, что думали въ этихъ кругахъ, когда 16 августа 1790 г. въ своемъ „Другѣ Народа“ обратился къ Демулени со слѣдующей рѣчью:

„При всемъ вашемъ умѣ, въ политикѣ вы еще неопытны... Вы могли бы лучше служить своему отечеству, если-бы вашъ шагъ былъ увѣреннѣе и степеннѣе, но вы шатаетесь въ своихъ сужденіяхъ во всѣ стороны, сегодня порицаете то, что завтра будете хвалить. Вы расточаете похвалы непризнаннымъ свѣтиламъ за ничтожнѣйшія дѣла. Врядъ-ли есть у васъ что-нибудь вродѣ плана или цѣли“.

Подобныя-же сужденія о Демулени мы находимъ и въ жирондистской прессѣ. Признаютъ его литературный талантъ, его остроуміе, но относятся къ нему какъ къ капризному *enfant terrible*, котораго политически нельзя брать вполнѣ въ серьезъ. Мирабо называетъ его въ одномъ изъ своихъ писемъ (отъ 2 мая 1790 г.) „милымъ юношею“, заслуживающимъ любви, несмотря на свою юношескую необузданность (*fogueux écarts*); а Робеспьеръ, который очень хорошо къ нему относился, извиняетъ предъ якобинцами его экстравагантности при по-

мощи такого объясненія: „Въ Камиллѣ есть доза Лафонтеновской наивности... Камиллъ хорошій, но избалованный ребенокъ (*un bon enfant gâté*), обладающій хорошими задатками, но испортившійся благодаря дурной средѣ“. Почти всѣ выдающіеся политическіе дѣятели Французской революціи относились къ нему, какъ къ капризному „ребенку“, съ той только разницей, что друзья считали его хорошимъ, враги—злонравнымъ ребенкомъ. Сдѣлать изъ него великаго политика впервые пришло въ голову новѣйшимъ историкамъ.

Въ высшей степени тщеславно относящійся къ своему литературному дарованію, Демулени прежде всего старается выказать свое остроуміе; стиль для него все. Нельзя лучше увидѣть разницу между нимъ и Маратомъ, чѣмъ если сравнить отношеніе каждаго изъ нихъ къ обычнымъ, повседневнымъ явленіямъ политической жизни. Приведу одинъ только примѣръ. Послѣ назначенія Байльи мэромъ Парижа, онъ не только окружилъ себя небывалымъ еще блескомъ, но въдобавокъ, въ своихъ „ордонансахъ“ старался еще подражать властному тону прежнихъ королевскихъ указовъ. Это вызывало въ его противникахъ неудовольствіе и насмѣшку, и, когда онъ какъ-то снова въ одномъ полицейскомъ распоряженіи „приказывалъ“ въ такомъ духѣ, за него взялся Маратъ (номера 78 и 79 его журнала).

Онъ осуждаетъ этотъ „новый языкъ“ и въ заключеніе говоритъ, что въ рукахъ мэра сосредоточена слишкомъ большая власть, перечисляетъ главнѣйшія его функціи и требуетъ раздѣленія этой власти.

Не то мы видимъ у Демулена. Ему не приходится даже въ голову хотя бы слегка коснуться правъ мэра или вообще вдаться въ обсужденіе по существу. И этотъ случай также даетъ ему матеріалъ для историко-эстетической болтовни. Онъ пишетъ:

„Предоставь, мой милый Байльи, сатрапу Фарнабазу дорогие ковры. Сидя на землѣ, Агезилай диктовалъ великому королю Персіи свою волю. Предоставь этотъ внѣшній блескъ князьямъ и сановникамъ церкви. Суевѣріе трона и алтаря нуждается въ процессіяхъ, церемоніймейстерахъ, декораціяхъ и зрѣлищахъ, импонирующихъ толпѣ. Вспомни 23-е іюня, день, для тебя незабвенный, когда ты, послѣ королевскаго засѣданія, безъ стражи и лакеевъ проходилъ черезъ густые ряды народной массы, съ громкимъ ликованіемъ привѣтствовавшей президента Національнаго Собранія. Тѣ принцы, которые за нѣсколько часовъ до этого въ каретахъ, запряженныхъ въ 8 лошадей, и окруженные многочисленной стражей и камердинерами, блистали поистинѣ азіатской роскошью,—какъ ничтожны были они въ сравненіи съ тобой, котораго сопровождала любовь народа. Я все еще принадлежу къ числу твоихъ искреннихъ приверженцевъ; я знаю, съ какимъ уваженіемъ я долженъ относиться къ твоему положенію, съ какимъ признаніемъ я долженъ относиться къ твоему таланту и твоимъ заслугамъ. Но именно потому, что ты занимаешь такой важный постъ, я не позволю тебѣ его безчестить“.

Въ кругахъ ремесленниковъ, торговцевъ и рабочихъ журналъ Демулена никогда не пользовался мало-мальски значительнымъ вліяніемъ. Они не понимали этихъ стилистическихъ ухищреній, историческихъ воспоминаній, остроумныхъ каламбуровъ. Тѣмъ большій кругъ читателей нашли „Révolutions de France et de Brabant“ среди молодыхъ академиковъ, въ особенности среди филологовъ и служителей искусства, того слоя народа, который, какъ уже упомянуто, вскорѣ получилъ рѣшающее вліяніе на политическое поведеніе дантонистовъ. Если жирондистскую партію можно считать представительными

цей средней дѣловой буржуазіи, то дантонистовъ можно считать представителями парижскаго искусства и той части академической интеллигенціи, которая не достигала высокихъ степеней. И, несомнѣнно, не случайность, что приверженцами Дантона въ Конвентѣ были почти исключительно литераторы, художники, актеры и т. п. Къ этой группѣ, кромѣ самого Дантона, принадлежалъ только одинъ еще болѣе или менѣе видный юристъ, Геро де-Сешелль. Камилла Демулена нельзя считать юристомъ; онъ чистокровный литераторъ. И въ такой-же малой степени случайность то, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ театралныхъ знаменитостей, какъ, напр., Тальма, принадлежавшихъ къ жирондистской партіи, почти всѣ парижскіе актеры перваго, второго и третьяго ранга симпатизировали дантонистамъ.

Этимъ характеромъ дантонистовъ, засѣдавшихъ въ Конвентѣ, объясняется, почему въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ конституціи, они ушли дальше жирондистовъ, и почему, съ другой стороны, они относились съ антипатіей къ парижской мелкой буржуазіи. Отъ болѣе тѣснаго союза съ мелкобуржуазной массой ихъ удерживали не только ихъ чванство образованностью, стремленіе къ веселому наслажденію жизнью,—стремленіе, находившееся въ прямомъ противорѣчьи съ господствовавшимъ въ мелкобуржуазномъ парижскомъ населеніи пуританскимъ, враждебнымъ искусству направлениемъ, кичившимся своей простотой и строгостью нравовъ; еще въ большей мѣрѣ пугало ихъ требованіе, предъявленное государству и коммунѣ терпящимъ нужду парижскимъ населеніемъ,—хозяйственными мѣропріятіями воспрепятствовать вздорожанію жизненныхъ припасовъ. Обложеніе имуществъ и доходовъ состоятельныхъ людей въ пользу нуждающихся, приспособленіе государственнаго и городского управленія къ хозяй-

ственнымъ потребностямъ низшихъ слоевъ,—подобныя требованія не входили въ революціонную программу дантонистовъ. Они хотѣли уничтожить старый режимъ, разбить старыя оковы, препятствовавшія хозяйственному развитію и свободному проявленію индивидуальныхъ духовныхъ силъ; они хотѣли смести старыя цеховыя и корпоративныя права, которыя мѣшали не только дѣловому люду, но и буржуазной интеллигенціи достигнуть высшей соціальной ступени; они хотѣли устранить всѣ сословныя преимущества и дать доступъ всякому, получившему необходимое образование, къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Но дать политическій перевѣсъ рабочему населенію, подчинить интеллигенцію массѣ и провести налоговую политику, соотвѣтствующую интересамъ этой массы,—это, по понятіямъ дантонистовъ, не имѣло ничего общаго съ той „свободой“, къ которой они стремились, это была мрачная анархія.

Дантонисты были добрыми буржуазными почитателями собственности. Въ этомъ пунктѣ они нисколько не отставали отъ жирондистовъ; разница между ними только та, что въ то время, какъ жирондисты заботились прежде всего о нуждахъ торговаго, дѣловаго капитала, дантонисты на первомъ планѣ ставили обезпеченіе дохода и свободы промысла. Поэтому-то жирондисты были упорными противниками установленнаго Національнымъ Собраніемъ такъ называемаго „патентнаго налога“, взимавашагося съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и исчислявашагося по наемной платѣ за жилища (съ включеніемъ хозяйственныхъ помѣщеній: лавокъ, бюро, амбаровъ, погребовъ и пр.) *), но стояли за сохраненіе тюремнаго заключенія за долги, т.-е. за право

*) Патентный налогъ взимался съ наемной платы до 400 ливровъ (франковъ) въ количествѣ 10%, отъ 400 до 800 ливровъ,—12½%, больше 800 ливровъ—15%.

кредитора посадить своего должника въ долговое отдѣленіе. Дантонисты, напротивъ, были за уничтоженіе этого права, такъ какъ оно препятствуетъ должнику продолжать свой промыселъ, и имъ удалось-таки это провести.

Внѣ этихъ различій, объясняющихся спеціальными интересами ихъ разнородной кліентуры, обѣ эти партіи оказываются одинаково фанатиками собственности; мы узнаемъ даже, что жирондистская пресса обвиняла Демулена въ одобреніи ростовщичества и вздуванія цѣнъ и, безусловно, не безъ основанія.

Въ демуленовскихъ „Révolutions de France et de Brabant“, въ его „Vieux Cordelier“, въ его брошюрахъ мы не найдемъ ни малѣйшей защиты соціалистическихъ или хотя бы только какихъ-либо соціально-политическихъ мѣропріятій. Республиканское „Égalité“ („Равенство“) онъ опредѣляетъ, какъ „равенство правъ“. *Равенство имущественное, по его мнѣнію, невозможно и противно здравому смыслу.* Онъ до такой степени фанатикъ собственности, что отрицаетъ даже за государственной властью всякое право содѣйствовать равномерному распредѣленію собственности (какъ движимой, такъ и недвижимой), ибо такое начинаніе противорѣчитъ естественному праву. „Надъ всеобщей волей“, говоритъ онъ, *„стоитъ законъ природы, общественный договоръ. Поэтому власти никогда не можетъ принадлежать право издавать аграрные законы“.* Итакъ, государство, по мнѣнію Камилла Демулена, ни въ какомъ случаѣ,—даже когда этого пожелаетъ огромное большинство гражданъ,—не имѣетъ права отобрать у крупныхъ землевладѣльцевъ часть ихъ земель и отдать ихъ въ пользованіе голодающимъ мелкимъ крестьянамъ. На этой-же точкѣ зрѣнія стоитъ и Дантонъ. Когда 20 сентября 1792 г. открылся Конвентъ, Дантонъ потребовалъ, чтобъ, прежде чѣмъ перейти къ

какому-либо обсужденію конституціи, Конвентъ заявилъ: „*собственность всякаго рода должна остаться на вѣчныя времена неприкосновенной*“. „Fraternité“ („Братство“) Демулень опредѣляетъ, какъ филантропію и дружеское чувство къ людямъ, а „Liberté“ („Свобода“), говоритъ: онъ въ своемъ „Vieux Cordelier“, не что иное, какъ неприкосновенность принциповъ, выраженныхъ въ деклараціи правъ человека.

Если принять во вниманіе это либерально-капиталистическое исповѣданіе вѣры, то понятно, само собой что дантонисты, послѣ учрежденія республики, смотрѣли подозрительно на политику парижской коммуны. Но на первыхъ порахъ борьба съ Жирондой привлекла всѣ ихъ силы. Многія изъ ихъ воззрѣній толкали дантонистовъ къ жирондистамъ, и вначалѣ Дантонъ держался индифферентно въ разгоравшейся между жирондистами и якобинцами борьбѣ. Но жирондисты, въ концѣ концовъ, прямо заставили дантонистовъ занять враждебную имъ позицію. Во-первыхъ, своими стараніями ослабить преобладающее вліяніе Парижа на судьбы Франціи, низвести его до значенія такого же фактора, каковыми были каждый изъ остальныхъ 82 департаментовъ, и, во-вторыхъ, своимъ „федералистическимъ“ проектомъ, предлагавшимъ сдѣлать по возможности самостоятельнымъ управленіе отдѣльными департаментами, т. е. сдѣлать его независимымъ отъ парижской центральной власти. Эти требованія соотвѣтствовали интересамъ жирондистовъ, такъ какъ ихъ приверженцы преобладали въ большинствѣ торговыхъ и мануфактурныхъ городовъ, такъ какъ ихъ точка опоры лежала внѣ Парижа; у дантонистовъ-же, хотя они и имѣли кое-какихъ приверженцевъ среди интеллигенціи другихъ большихъ городовъ Франціи, главнымъ опорнымъ пунктомъ былъ Парижъ. Къ этому присоединились ненависть жирон-

дистовъ противъ многихъ дантонистовъ, особенно противъ Камилла Демулена, за его писанія, заносчивое, рѣзкое обращеніе жирондистскаго парламентскаго президента въ Конвентѣ, Иснара, не послѣднее мѣсто занимало также требованіе, чтобъ зачинщики такъ называемыхъ сентябрьскихъ убійствъ, въ которыхъ Дантонъ и часть его приверженцевъ играли выдающуюся роль, были преданы суду. На такое самооскопленіе дантонисты ни въ какомъ случаѣ не могли согласиться; въ ихъ интересахъ было помочь свергнуть жирондистовъ.

Но едва вожаки жирондистской партіи были казнены (31 октября 1793 г.), какъ дантонисты стали уже готовиться къ борьбѣ съ парижскими „*ультра-революционерами*“. Возрастающее преобладаніе радикальных мелко-буржуазныхъ элементовъ въ парижскомъ городскомъ управленіи, ихъ атеистическая пропаганда и, еще болѣе, ихъ налоговая политика, все сильнѣе облагавшая имущій классъ, не подходили къ дантонистскимъ понятіямъ о свободѣ. Въ соглашеніи со своими партійными друзьями и нѣсколькими выдающимися якобинцами, между прочимъ, Робеспьеромъ, который самъ просмотрѣлъ первые два номера передъ печатаньемъ, Камиллъ Демулень основалъ свой „Vieux Cordelier“, появившійся 5 фримэра, во вторую декаду II-го года (6 декабря 1793 г.).

Уже одно названіе цѣлая программа: протестъ противъ новаго демократическаго направленія клуба Кордельеровъ и защита его прежняго умѣреннаго правленія.

Первый номеръ атакował шометтистовъ и гебертистовъ и заподозрилъ ихъ въ томъ, что они подкуплены англійскимъ министромъ Питтомъ.

„Вчера“, говоритъ тамъ Демулень, обращаясь къ Питту, „въ засѣданіи якобинцевъ я вновь убѣдился въ твоихъ страшныхъ успѣхахъ и почувствовалъ, какую

власть ты приобрѣлъ среди насъ... Вчерашній день просвѣтилъ меня; я узналъ число нашихъ враговъ. Ихъ толпа выманила меня изъ Дома Инвалидовъ и вызвала меня на бой... Эта партія уже возвышается на фундаментъ, который она приобрѣла во время болѣзни и отсутствія нашего Горация Коклеса (подразумѣвается Дантонъ), она возвышается, эта наглая насильница общества. Въ важнѣйшихъ мѣстахъ, наиболѣе пригодныхъ для ея цѣлей, на трибунахъ, она глумится, а въ собраніи она качаетъ головой и сострадательно улыбается, дѣлая видъ, будто ораторъ — осужденный всѣми голосованіями человѣкъ. Если мы все таки побѣдили, то только потому, что послѣ уничтожающей рѣчи Робеспьера, талантъ котораго, казалось, выросъ вмѣстѣ съ грозящими республикѣ опасностями, рѣчи, оставившей въ умахъ глубокое впечатлѣніе, — никто уже не могъ поднять голосъ противъ Дантона, не расписавшись въ то же время публично въ полученіи золотыхъ монетъ Питта!“.

Въ этомъ духѣ рѣчь продолжается и дальше, и заключается вторичнымъ утвержденіемъ, что *Питтъ держитъ на жалованьи всѣхъ главарей этихъ „ультра-революціонеровъ“*, для того, чтобы они своими сумасбродствами дискредитировали республику.

Таковъ-же и номеръ отъ 20-го фримэра: но тутъ Демуленъ точнѣе указываетъ, какихъ ультра-революціонеровъ онъ имѣетъ въ виду. Онъ обращается тамъ противъ „*маратизма*“, противъ партіи Марата, этого, въ сущности, смѣшного пугала (*un ridicule érouvantail*), и затѣмъ дѣлаетъ вылазку противъ Анахарсиса Клоотца и Анаксагора Шометта.

Статья вызвала большое негодованіе въ клубѣ якобинцевъ, но Камиллъ Демуленъ пока не позволялъ еще, чтобъ ему мѣшали въ его разрушительной кампаніи. Третій номеръ „Стараго Кордельера“, необыкновенно

большой, занимающій 30 страницъ (отъ 25 фримэра — 16 декабря 1793 г.), нападаетъ въ формѣ критическаго очерка государственныхъ преступленій въ эпоху Римской имперіи самымъ безпощаднымъ образомъ на правительство террора, и затѣмъ приглашаетъ читателя провести параллель между тогдашнимъ и нынѣшнимъ.

„Посмотрите“, говорится тамъ, „среди какихъ пропастей мы шагаемъ. Съ одной стороны дерзкіе, безудержные эксцессы, ультра-революціонныя мѣропріятія, которыя дѣлаютъ насъ предметомъ отвращенія и насмѣшки всей Европы; съ другой стороны „*модерантизмъ*“ въ траурномъ платьѣ, который, видя, что старые кордельеры возвращаются къ благоразумію и стараются избѣжать обычныхъ крайностей, вчера съ кучкой женщинъ явился въ Комитетъ общественной безопасности и, когда я случайно вошелъ туда, взялъ меня за воротъ и безъ дальнѣйшихъ разсужденій потребовалъ, чтобы Конвентъ открылъ всѣ тюрьмы, — для того только, чтобы вмѣстѣ съ нѣсколькими добрыми гражданами, какіе тамъ, навѣрное, имѣются, выпустить на насъ массу яростныхъ контръ-революціонеровъ“.

Въ четвертомъ номерѣ (отъ 30 фримэра II—20 декабря 1793 г.) говорится:

„Декларация правъ (правъ человѣка), кротость республиканскихъ догматовъ, святое равенство, нерушимость принциповъ. Гдѣ слѣды всей этой божественности? Укажите, какъ мнѣ узнать тѣ народы, среди которыхъ она живетъ! По какимъ признакамъ я могу узнать эту божественную свободу? Есть-ли она, эта свобода, нѣчто большее, чѣмъ пустое имя? Не похожа ли она на оперную пѣвицу, на какую-нибудь Кандейль или Майльяръ, прогуливающуюся въ красной шапочкѣ, или же на ту статую въ сорокъ шесть футовъ высоты, которую хочеть соорудить Давидъ? (Живописецъ и якобинецъ

Жакъ-Луи Давидъ, бывшій при такъ называемомъ правительствѣ террора директоромъ государственныхъ художественныхъ учреждений, проектировалъ сооруженіе большой статуи свободы. Г. К.). О, мои милые сограждане, не унизимся до такой степени, чтобъ преклонить колѣни предъ этими божествами...“.

А затѣмъ Демуленъ, тотъ самый Демуленъ, который отпраздновалъ сентябрьскія убійства веселымъ параднымъ обѣдомъ, который содѣйствовалъ казни «бриссо-тистовъ» (приверженцевъ Бриссо), который, какъ указываетъ приведенная цитата, всего за пять дней до этого встрѣтилъ насмѣшливо предложеніе открыть гюрмы, заявивъ, что это значитъ спустить съ цѣпи контръ-революціонеровъ, — апеллируетъ вдругъ къ состраданію и милосердію:

«Эта съ неба сошедшая свобода... хотите вы, чтобъ я ее призналъ, чтобъ я преклонился предъ ней, чтобъ я пролилъ за нее свою кровь? Тогда откройте темницы для 200000 гражданъ, которыхъ вы по подозрѣнію держите въ заточеніи, ибо по деклараціи человѣческихъ правъ нѣтъ никакихъ арестныхъ домовъ для подозрительныхъ личностей, тамъ есть только тюрьмы... Я думаю иначе, чѣмъ тѣ, которые говорятъ вамъ, что необходимо пока оставить терроръ въ силѣ. Я, наоборотъ, убѣжденъ, что и свобода укрѣпилась бы, мы и вернули бы себѣ довѣріе Европы, если-бы вы учредили Комитетъ Милосердія».

Въ противоположность этой кротости, Камилль Демуленъ, въ слѣдующемъ номерѣ своего «Vieux Cordelier», похваливъ уваженіе къ властямъ и собственности, снова нападаетъ на представителей парижской коммуны. Онъ говоритъ: «Развѣ это ошибка, если мнѣ кажется, что подчиненныя власти превышаютъ свою компетенцію и переопредѣляютъ себя, что коммуна.

вмѣсто того, чтобы ограничиваться исполненіемъ законовъ, присваиваетъ себѣ законодательную власть, декретируя закрытіе церквей, выпуская бумаги отъ лица правительства и т. д. Думаете-ли вы, братья и друзья, что у васъ больше ума, чѣмъ у всѣхъ историковъ и политиковъ, что вы лучше республиканцы, чѣмъ Кэнтонъ и Бругъ? Вѣдь всѣ они повторяли одно основное положеніе: «анархія, тѣмъ самымъ, что она дѣлаетъ всѣхъ господами, приводитъ лишь къ тому, что всѣ должны служить одному господину».

Шестая и седьмая тетради «Vieux Cordelier» (больше семи тетрадей не появлялось) наполнены почти исключительно самозащитой и отступленіемъ.

Въ рядахъ парижской демократической мелкой буржуазіи эти нападки, большей частью поддерживаемыя дантонистами, — Филлипо́ незадолго до этого выпустилъ брошюру такого-же содержанія, — вызывали величайшее негодованіе, тѣмъ болѣе, что поведеніе дантонистовъ еще и раньше казалось сомнительнымъ; въ особенности показались подозрительными сношенія Демулена съ реакціоннымъ генераломъ Диллономъ. Клубъ Кордельеровъ исключилъ Демулена изъ числа своихъ членовъ, въ клубъ якобинцевъ Геберъ внесъ предложеніе объ его исключеніи. Напрасно Робеспьеръ, Коло Д'Эрбуа и Дантонъ старались помѣшать этому исключенію, которое, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, было равносильно остракизму. Особенно старался Робеспьеръ; въ цѣломъ рядѣ засѣданій клуба онъ привелъ всевозможные доводы въ защиту Демулена. Онъ рисовалъ его даже наполовину невмѣняемымъ, онъ согласился, въ угоду массѣ, что номера «Vieux Cordelier» должны быть сожжены. Но все было напрасно. Клубъ якобинцевъ постановилъ исключить Демулена.

Въ историческихъ трудахъ, посвященныхъ революціи,

событіе это, большей частью, изображается так, как будто Робеспьеръ былъ инициаторомъ и виновникомъ паденія Камилла Демулена. Это чистая бессмыслица. Робеспьеру было гораздо важнѣе уничтожить гебертистовъ, чѣмъ дантонистовъ, хотя, на его взглядъ, и нѣкоторые изъ послѣднихъ были слишкомъ правыми. Еще въ засѣданіи якобинскаго клуба отъ 21 нивоза (10 января 1793 г.) онъ старался перенести раздраженіе на гебертистовъ, заявивъ, что Камиллъ *не долженъ быть только одинъ вычеркнутъ изъ списка членовъ, и тутъ же предложилъ распространить разсѣдованіе на всю интригу* (т. е. заодно и на поведеніе гебертистовъ). И дѣйствительно, Робеспьеръ, при помощи ближайшихъ приверженцевъ, добился въ Комитетѣ общественного спасенія и въ Конвентѣ того, что представители парижской коммуны взойшли на эшафотъ на двѣнадцать дней раньше дантонистовъ.

6. „Другъ Народа“ Марата.

Объемъ и значеніе якобинской газетной литературы такъ велики, что нѣтъ возможности охарактеризовать ее въ одной небольшой главѣ. Поэтому, изъ всей массы якобинскихъ газетъ мы возьмемъ лишь одну, имѣвшую наибольшее вліяніе на ходъ Французской революціи, въ особенности на революціонное движеніе въ Парижѣ, и чаще всего упоминаемую въ исторической литературѣ: „Ami du peuple“ Марата.

Газету Марата, большей частью, считаютъ самымъ радикальнымъ органомъ во французской газетной литературѣ періода 1790—1793 г. Этотъ взглядъ правиленъ лишь въ томъ случаѣ, если за масштабъ брать рѣзкость языка и беспощадность нападокъ на контръ-революціонныя партіи и ихъ вожаковъ. Но если измѣ-

рять радикализмъ не рѣзкостью его языка, а тѣмъ, какъ далеко онъ заходитъ въ своихъ крайнихъ выводахъ изъ демократическихъ основныхъ положеній, въ особенности, насколько онъ приближается къ социалистическимъ требованіямъ, то тогда на крайнемъ лѣвомъ флангѣ стоитъ не «Другъ Народа», а политико-теоретическое еженедѣльное изданіе «Révolutions de Paris», редактировавшееся сначала Элизе Лустало, затѣмъ Луи Прюдомомъ, — самая талантливая и самая интересная газета во всей революціонной печати. Но именно вслѣдствіе этого особеннаго положенія прюдомовской газеты среди революціонной журналистики, вслѣдствіе ея многосторонности и теоретическаго характера, сущность ея нельзя передать на нѣсколькихъ печатныхъ страницахъ. Для этого понадобились бы длинныя выписки, — тѣмъ болѣе, что газета удѣляетъ много вниманія хозяйственнымъ отношеніямъ, въ частности, и крестьянскимъ; для такой детальной картины «Neue Zeit» не имѣетъ мѣста.

Во Французской революціи нѣтъ ни одного выдающагося характера, который не вызвалъ бы въ исторической литературѣ самыхъ разнорѣчивыхъ сужденій; но ни о комъ сужденія эти не расходятся въ большей мѣрѣ, никого не изображали, съ одной стороны, такимъ грубымъ циникомъ, а съ другой, такимъ безкорыстнѣйшимъ апостоломъ гуманности, какъ Жана-Поля Марата. Старики историческія сочиненія, демократическія въ томъ числѣ, рисуютъ его, большей частью, экзальтированнымъ, охваченнымъ дикимъ честолюбіемъ, страстнымъ фанатикомъ, иногда даже, какъ напр., Карлейль, сумасшедшимъ и дуракомъ; и только Луи Бланъ въ третьемъ томѣ своей «Histoire de la Révolution française» до нѣкоторой степени справедливо относится къ нему.

Но и новѣйшіе либеральные и консервативные

историки чаще всего величают Марата «кровавой бестией». Такъ, великій изслѣдователь исторіи Тэнъ называетъ его, напр., «чудовищемъ, происшедшимъ отъ смѣшенія гетерогенныхъ расъ, все существо котораго обнаруживаетъ главныя черты безумія». Въ послѣднее время, однако, различные біографы дали совсѣмъ другой портретъ Марата,—главнымъ образомъ, А. Бужаръ въ своемъ двухтомномъ произведеніи «Marat, L'Ami du Peuple (Paris, 1865 г.), Ф. Шевремонъ въ своемъ большомъ трудѣ «Jean Paul Marat» (два тома, Paris, 1880), Кабанесъ (Cabanès) въ книгѣ «Marat inconnu» (Paris, 1891 г.) и нашъ англійскій товарищъ Э. Бельфортъ-Баксъ въ своемъ трудѣ «Jean Paul Marat, the People's Friend» (London 1900). Несмотря на такую богатую біографическую литературу, къ которой надо еще присоединить различныя статьи во французскихъ и англійскихъ современныхъ изданіяхъ, проблему оцѣнки Марата, какъ революціоннаго политика и журналиста, нельзя еще считать рѣшенной, ибо біографы Марата не задаются цѣлью охарактеризовать его въ рамкахъ его времени, въ его отношеніяхъ къ соціальной средѣ. Они скорѣе считают своей спеціальной задачей очистить его отъ той мути и клеветъ, которыя нагромодили на него партійные историки, и при этомъ впадаютъ въ ту же методологическую ошибку, что и хулители Марата. Они поступаютъ такъ-же субъективно, какъ и послѣдніе, съ той только разницей, что они выуживаютъ изъ маратовскихъ политическихъ сочиненій, статей и писемъ благоприятныя для него мѣста, и съ особымъ удовольствіемъ цитируютъ его автобіографическія признанія, въ которыхъ онъ, съ часто до смѣшного доходящимъ самодовольствомъ, выливаетъ на себя ушаты патетическаго самовосхваленія; ихъ литературные антиподы, наоборотъ, выуживаютъ тѣ мѣста изъ собственныхъ

писаній Марата и мемуаровъ его политическихъ противниковъ, гдѣ онъ выступаетъ безпощаднымъ фанатикомъ, который, для достиженія своей политической цѣли, не остановится предъ человѣческими жертвами.

Для изображенія отдѣльных моментовъ и эпизодовъ изъ жизни Марата у насъ нѣтъ мѣста (краткій очеркъ жизни Марата уже далъ, къ тому-же, Л. Эритье—«Neue Zeit» XIII Jahrg., Bd. II). Мы здѣсь интересуемся Маратомъ только какъ журналистомъ. Мы упомянемъ, поэтому, только, что Марать родился въ 1743 г. въ Бодри (Невшательскій кантонъ), шестнадцатилѣтнимъ юношей отправился въ Тулузу и затѣмъ въ Бордо и въ Парижъ, для изученія медицины и естественныхъ наукъ. Затѣмъ, желая познакомиться съ другими странами, онъ отправился въ Англію и Шотландію, гдѣ продолжалъ свои занятія, и въ іюнѣ 1775 г. получилъ отъ университета St. Andrews степень «doctor in medicine», и даже съ отличіемъ, какъ «very distinguished master in arts».

Марать еще до этого практиковалъ въ Лондонѣ, какъ врачъ; послѣ полученія докторской степени, онъ возобновилъ тамъ свою врачебную дѣятельность въ одной изъ фешенебельнѣйшихъ частей города. Въ 1777 г. Марать получилъ приглашеніе отъ графа Артуа: переѣхать въ Парижъ и тамъ занять хорошо оплачиваемый постъ врача при графскомъ дворѣ. Марать принялъ это предложеніе.

Во время своего пребыванія въ Лондонѣ, Марать много вращался въ англійскихъ радикальныхъ и франкмасонскихъ кругахъ (въ 1774 г. онъ сдѣлался членомъ «Великой Ложи Англіи»), и первое политическое произведеніе, съ которымъ онъ выступилъ предъ англійской публикой, «Chains of Slavery», въ существенномъ заключало въ себѣ исповѣданіе вѣры, тождественное

политическимъ взглядамъ тогдашняго англійскаго радикальнаго либерализма. *Совершенно въ духъ вѣка просвѣщенія Маратъ видитъ причину общественныхъ золъ въ плохомъ управленіи королей.* Хорошіе правители — счастье для страны, плохіе — зло. Но, по мнѣнію Марата, короли, большей частью, стараются наложить на своихъ подданныхъ «цѣпи рабства», изъ своекорыстныхъ соображеній развращая гражданъ и усыпляя ихъ стремленіе къ свободѣ. Поэтому въ странахъ, въ которыхъ, какъ напр., въ Англіи, издревле существуютъ свободныя учрежденія и народъ чрезъ своихъ представителей принимаетъ участіе въ управленіи, нужно стремиться къ тому, чтобы усовершенствовать парламентскую систему и ограничить произволъ королей. Въ одномъ воззваніи къ англійскимъ избирателямъ, направленномъ противъ министерства лорда Норта, Маратъ приглашаетъ избирателей беречь «святое пламя свободы», пылавшее «въ груди ихъ отцовъ», и не выбирать въ парламентъ искателей богатства, придворныхъ, королевскихъ или государственныхъ чиновниковъ, знать и юныхъ карьеристовъ. «Выбирайте», говоритъ онъ, «своими представителями людей, которые выдаются своими способностями, честностью, любовью къ отечеству; людей, которые хорошо знакомы съ національными интересами, которыхъ матеріальная обеспеченность дѣлаетъ независимыми и избавляетъ отъ искушеній, кроющихся въ бѣдности, людей, которыхъ презрѣніе къ разорительному блеску охраняетъ отъ соблазновъ тщеславія...»

Въ произведеніи Марата мы не найдемъ и слѣда какихъ-либо идей относительно эволюціи общества, какого-либо пониманія хозяйственныхъ условій; оно не даетъ ничего, кромѣ субъективныхъ разсужденій, домысловъ, которые мы найдемъ въ сотнѣ другихъ произведеній того времени.

Столь же мало Маратъ показываетъ себя всеокрушающимъ революционеромъ и въ своемъ, впервые появившемся въ 1780 г., «Plan de Législation Criminelle» («Планъ уголовного законодательства»), — книгѣ, которая въ основныхъ своихъ положеніяхъ опирается на «Общественный Договоръ» Руссо. Въ этомъ сочиненіи онъ указываетъ на обязанность общества заботиться о людяхъ, способныхъ къ труду, и отстаиваетъ поэтому мягкое наказаніе за кражу, вызванную нуждой. За кражи, вызванныя голодомъ, совершенно не должно быть наказанія. Но онъ не предлагаетъ просто поддерживать бѣдныхъ; нѣтъ, они должны работать въ большихъ, хорошо устроенныхъ національныхъ рабочихъ домахъ. Дальше онъ доказываетъ право народовъ не повиноваться произвольнымъ тиранническимъ законамъ королей и требуетъ полной свободы совѣсти — съ тѣмъ ограниченіемъ, однако, что *атеистамъ запрещается публично пропагандировать атеизмъ. При всякой попыткѣ пріобрѣсти прозелитовъ они должны быть арестованы.*

Новыя парижскія впечатлѣнія мало измѣнили эту политическую позицію Марата. Это доказываетъ занимающая 62 страницы брошюра «Offrande à la Patrie» («Даръ Отечеству»), которую онъ выпустилъ въ началѣ 1789 г., предъ выборами делегатовъ въ генеральные штаты. Онъ выступаетъ тамъ въ роли поборника либеральнаго парламентскаго режима по англійскому образцу и требуетъ, чтобы первымъ дѣломъ парламента было заявленіе, что вся суверенная власть принадлежитъ народу, представленному его депутатами. Государственныя сословія (генеральные штаты) сами опредѣляютъ мѣсто и время ихъ засѣданій, равно и предметы, подлежащіе обсужденію. Парламентъ, по мнѣнію Марата, долженъ собираться, по меньшей мѣрѣ, каждые 3 года. Но чтобы народъ въ промежуткѣ между

сессіями не оставался безъ парламентскаго представительства, изъ числа делегатовъ долженъ быть избранъ постоянный комитетъ для охраны конституціи и государственныхъ законовъ. Министры отвѣтственны предъ государственными сословіями; они могутъ быть отставлены послѣдними, а въ случаѣ нарушенія закона они подвергаются наказанію. Первая задача государственныхъ сословій, это установить «lois fondamentales» («основные законы»), и, конечно, совершенно самостоятельно (т. е. они при этомъ не должны быть связаны королевскою волею). Далѣе Марать требуетъ полной свободы печати, уничтоженія «lettres de cachet» (государственныхъ приказовъ объ арестѣ), введенія англійскаго уголовнаго судопроизводства, облегченія предварительнаго заключенія, публичности всего судопроизводства, введенія налоговъ, соотвѣствующихъ величинѣ дохода и имущества.

Программа эта, какъ мы видимъ съ перваго же взгляда, переноситъ на тогдашнія французскія отношенія требованія англійскихъ радикаловъ. Эти самыя взгляды, но еще рѣзче выраженные, мы находимъ и въ изданномъ Маратомъ приблизительно два мѣсяца спустя дополненіи къ его «Offrande», въ которомъ онъ энергично настаиваетъ на томъ, что созданныя государственный сословія ни въ коемъ случаѣ не должны разойтись, прежде чѣмъ они не установятъ основные законы конституціи.

Послѣ того какъ государственныя сословія собрались, Марать все рѣзче и рѣзче сталъ подчеркивать свои требованія, — не столько въ силу послѣдовательнаго дальнѣйшаго развитія основныхъ положеній его программы, сколько вслѣдствіе наблюденій за поведеніемъ государственныхъ сословій и образовавшихся среди нихъ кружковъ Марать — тонкій наблюдатель; уже его

раннія естественно-научныя произведенія поражаютъ тонкостью отдѣльныхъ наблюденій. Но онъ лишенъ способности комбинировать эти наблюденія и приводить ихъ въ систему. Онъ не систематикъ и не теоретикъ. Это обнаруживается и въ области политики. Въ ясномъ пониманіи даннаго положенія вещей онъ мастеръ, даже Мирабо едва можетъ сравняться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Почти больше еще поражаетъ его знаніе людей. Прямо изумительно, съ какой увѣренностью онъ дѣлаетъ оцѣнку людей, съ которыми ему приходилось сталкиваться въ политикѣ. Иной разъ можно подуматъ, что онъ напередъ зналъ ихъ будущую жизнь или что онъ прочелъ ихъ мемуары, прежде чѣмъ они были написаны. Но, во всякомъ случаѣ, мы замѣчаемъ у него и обратную сторону этихъ преимуществъ. Разсматривать разыгрывающіяся предъ его глазами политическія событія съ точки зрѣнія общаго общественнаго развитія было не его дѣломъ. Онъ весь, со всей своей страстностью, отдается данному моменту.

Эта острота наблюденія скоро дала возможность Марату ясно увидѣть крупныя слабости государственныхъ сословій и развившагося изъ нихъ Національнаго Собранія. Значеніе, которое оно придавало всякимъ пустымъ церемоніямъ, заносчивое, тщеславное фразерство многихъ изъ его величинъ, которыхъ не утомляло слушать себя самихъ цѣлые часы подрядъ, — все это казалось ему не только тратой времени, но и тяжелымъ, грѣховнымъ упущеніемъ. Онъ опасался государственнаго переворота со стороны двора, соединившагося съ дворянствомъ, и *хотѣлъ предупредить его установленіемъ основныхъ законовъ конституціи*: во-первыхъ, это дало бы мелкой буржуазіи нѣчто, что привязало бы ее къ революціи, и, во-вторыхъ, въ случаѣ попытки со стороны феодальныхъ правителей устроить государственный переворотъ,

ихъ можно было бы объявить предъ народомъ нарушителями конституціи. Кромѣ того, его гнѣвъ вызывала также корыстолюбивая, преслѣдующая собственныя выгоды, кружковщина, которая въ Національномъ Собраніи какъ будто еще беззащѣнчивѣе пыталась свить себѣ гнѣздо, чѣмъ въ тогдашнемъ англійскомъ парламентѣ; возмущало его и то, что крупная торговля желала использовать революціонныя замѣшательства для спекуляціи съѣстными припасами.

Для борьбы съ этими враждебными народу кликами Марать и основалъ вмѣстѣ съ друзьями свой „Publiciste Parisien“, ежедневную газету, занимавшую обыкновенно отъ 8 до 12 страницъ in octavo. Въ первомъ-же номерѣ (отъ 12 сентября 1789 г.) онъ выступаетъ со своей рѣзкой критикой противъ Національнаго Собранія; онъ разбираетъ его позицію въ вопросѣ о двухпалатной системѣ и въ вопросѣ о veto. Учрежденіе верхней палаты и предоставленіе королю права налагать свое veto на рѣшенія парламента представляются ему недопустимымъ ограниченіемъ народнаго суверенитета.

„Ничего страннаго не было-бы, если бы veto было предложено министрами честолюбиваго короля; ибо они дѣлали бы только свое обычное дѣло враговъ отечества. Не было-бы также ничего страннаго, если-бы такое предложеніе исходило отъ нѣкоторыхъ, жаждущихъ милостей, членовъ Собранія, — достаточно принять во вниманіе, до какой степени могутъ унизиться иныя души. Но чтобы непосредственно послѣ революціи, когда каждый хочетъ быть патріотомъ, когда нація пользуется своими правами во всемъ ихъ объемѣ, — чтобы въ такую минуту значительная часть представителей націи осмѣлилась внести право veto и защищать его, — это было бы почти непостижимо, если бы мы не знали могущества страстей и предубѣжденій..“

Въ особенности нападаетъ Марать на Мирабо за его двусмысленное поведение. Когда черезъ нѣсколько дней въ Національномъ Собраніи былъ поставленъ на обсужденіе адресъ города Реннъ, въ которомъ послѣдній высказывался противъ королевскаго veto, и Мирабо порицалъ этотъ адресъ, Марать писалъ (№ 5 его газеты):

„Если кто обязанъ былъ страстно защищать этотъ адресъ, то это графъ Мирабо. Онъ знаетъ права народовъ и обязанности ихъ уполномоченныхъ. Но вмѣсто того, чтобы посвятить себя дѣлу народа, онъ усвоилъ себѣ надменный тонъ и высокомерную осанку, и *пытается поставить власть доверенныхъ выше власти ихъ доверителей*. Селенія, города, провинции, полагаютъ онъ только собранія подданныхъ и законодательный корпусъ не обязанъ имъ никакими отчетами. Вѣроятно, не такими рѣчами онъ приобрѣлъ голоса марсельскихъ гражданъ, когда онъ снизошелъ до того, что продавалъ имъ сукно. Тогда онъ говорилъ имъ объ ихъ правахъ, выхвалялъ предъ ними рвеніе и мужество, съ которыми онъ будетъ защищать ихъ права. Теперь, когда они почтили его своимъ довѣріемъ, онъ находитъ нужнымъ проповѣдовать имъ только уваженіе и подчиненіе.“

Для охраненія народнаго суверенитета, Марать требуетъ, чтобы мандатъ делегатовъ въ Національное Собраніе считался императивнымъ. Народъ долженъ имѣть право, объявляетъ онъ, во всякое время отозвать своихъ представителей, если они не исполнили возложенныхъ на нихъ порученій, и аннулировать ихъ законодательную деятельность.

Слѣдующіе номера „Publiciste“, принимающаго съ седьмого номера названіе „Ami du Peuple“, продолжаютъ эту критику въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Въ 7-омъ номерѣ, напр., указавъ на церемонную медли-

тельность, съ какой подвигаются работы Національного Собранія, онъ говоритъ:

„... Безъ всякаго плана оно (Національное Собрание) перескакиваетъ съ одного предмета на другой, рассматриваетъ сразу тысячу вопросовъ. Еще недавно оно напоминало того архитектора, который хочетъ начать строить домъ съ крыши; теперь оно походитъ на каменщиковъ, безъ плана обтесывающихъ камни. Оно тратитъ драгоценное время, которое оно должно было бы употребить на выработку тѣхъ частей законодательства, которыя представляютъ собой лишь необходимое слѣдствіе извѣстныхъ основныхъ принциповъ. Въмѣсто этого, оно занято прерогативами короны. Если бы оно теперь, въ силу какой нибудь непредвидѣнной случайности, было распущено, то положеніе короны было бы вполне обезпечено, зато народное благо осталось бы безъ всякаго базиса.

„Пусть не говорятъ, что эти опасенія химеричны. Слишкомъ ясно, что въ нѣдрахъ генеральныхъ штатовъ таится могущественная фракція, стремящаяся къ тому, чтобы воспрепятствовать великому дѣлу возрожденія нашего государства. Вѣчно занятая тѣмъ, чтобы заставить забыть о вопросахъ, ведущихъ прямо къ цѣли, и, наоборотъ, выдвинуть на очередь тѣ, которые повышаютъ и укрѣпляютъ власть короля, она затягиваетъ дѣла и выжидаетъ какого-нибудь благоприятнаго событія, которое позволитъ ей снять маску“.

И раскритиковавши такимъ образомъ Національное Собрание, онъ обращается къ народу и говоритъ ему, что это смѣшно, если онъ воображаетъ, что онъ сдѣлалъ революцію. Добытымъ народъ обязанъ не своей рѣшительности, а трусости враговъ государства и стеченію обстоятельствъ.

Дальше онъ говоритъ:

„Вмѣсто того, чтобы выбирать себѣ въ руководители людей независимыхъ, выдающихся своими принципами, вы полагаетесь на перваго встрѣчнаго, награждаете своимъ довѣріемъ людей неопытныхъ, людей, которые получаютъ жалованье отъ короля и которые поэтому никогда не осмѣлятся поднять свой голосъ противъ несправедливой власти.

„И даже въ самомъ собраніи вашихъ представителей, гдѣ должны были бы быть одни мудрецы, есть люди, образъ мыслей которыхъ мало заслуживаетъ одобренія и которые находятся у общества на дурномъ счету...

„Неразумный народъ! предавайся радости, бѣгай по церквамъ, оглашай воздухъ своими побѣдными пѣснями, утомляй небо своими благодарственными молитвами за добро, которымъ ты не пользуешься. Тираны ушли, но тираннія осталась: ты обладаешь только фантомомъ; счастье еще дальше отъ тебя, чѣмъ когда либо. Эй! Чему ты радуешься? Страна изъ края въ край лежитъ въ судорогахъ, *мастерскія пустуютъ, фабрики покинуты, торговля въ застоѣ, финансы разстроены, въ войскахъ полная деморализація: ты живешь въ анархіи!* И если-бы ты хоть былъ близокъ къ концу зла! Но нѣтъ, зло растетъ все больше. Прекрасные лѣтніе дни летятъ съ бѣшеной быстротой; скоро зимній холодъ присоединитъ къ терзающимъ тебя нуждамъ новую: *заработокъ работниковъ и мастеровъ съ уменьшеніемъ дня начнетъ сокращаться, легионы слугъ, выставленныхъ за дверь, увеличатъ число безработныхъ.* Отчаяніе погонитъ несчастныхъ, у которыхъ нѣтъ ничего и которыхъ общество оставило на произволъ судьбы, на преступленія и превратитъ столицу въ воровской и разбойничій вертепъ. Какая судьба ждетъ тебя! Враги свободы постараются утомить тебя твоей независимостью; они научатъ тебя стремиться

назадъ, къ рабству, и искать въ объятіяхъ какого-нибудь господина спокойствія, изобилія и мира. *Національное Собраніе, управляемое нѣсколькими честолюбивыми ораторами, которые только много говорятъ, ничего для тебя не дѣлаютъ!*“

Это была неслыханная еще критика Національнаго Собранія. Съ величайшей гордостью смотрѣли тогда революціонные слои Франціи на свое Національное Собраніе. Его почти обоготворяли. И вдругъ пришелъ этотъ неизвѣстно откуда взявшійся Маратъ, подвергъ критикѣ его работы и высмѣялъ его хваленія ораторскія свѣтила. Даже тѣ политическіе дѣятели, которые смотрѣли глубже, которые за красивыми фразами парламентскихъ ораторовъ распознавали корыстные мотивы, даже они осуждали критику Марата; ибо какъ нынѣ въ Россіи, такъ-же точно полагали и тогда во Франціи, что если и имѣтъ что-нибудь противъ дѣятельности Національнаго Собранія, то все-таки не слѣдуетъ слишкомъ яростно нападать на него: это ослабляетъ авторитетъ парламента въ народѣ и силу его противо-дѣйствія мѣропріятіямъ двора и связанной съ нимъ феодальной аристократіи.

Маратъ получилъ много писемъ, съ протестомъ противъ его критики, однако, продолжалъ ее дальше. Въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ дать отвѣтъ; въ № 13 своей газеты онъ изложилъ тѣ основанія, которыя вынудили его къ этимъ нападкамъ.

Тамъ говорится:

„До тѣхъ поръ, пока я видѣлъ въ Національномъ Собраніи гражданъ, посвятившихъ себя служенію отечеству, я относился къ нему съ уваженіемъ; до тѣхъ поръ, пока я находилъ въ Національномъ Собраніи твердое, хотя и не опирающееся на достаточную глубину пониманія, намѣреніе идти по пути добра, я отно-

сился къ нему съ тѣмъ вниманіемъ, какого заслуживаетъ лояльность, и изъ боязни уменьшить довѣріе къ нему народа, я обращался со своими замѣчаніями непосредственно къ Національному Собранію. Но когда я замѣтилъ, что оно съ упорнымъ спокойствіемъ смотритъ на опасныя явленія, я рѣшилъ, посовѣтовавшись со своей совѣстью, что долженъ сообщить ему публично мои замѣчанія. Но теперь, когда я вижу, что оно, не таясь, преслѣдуетъ гибельный планъ, — принести націю въ жертву королю, а общее благо кучкѣ честолубцевъ, — всякія сомнѣнія исчезли. *Я вижу только одно — отечество въ опасности; его благо стало для меня высшимъ закономъ, и я поставилъ себя въ обязанность быть въ на-батъ, ибо это единственное средство спасти націю отъ паденія въ пропасть.*“

Маратъ не обращалъ вниманія ни на какіе протесты. Онъ, напротивъ, распространилъ свои нападки и на парижское городское управленіе, въ которомъ при новомъ мэрѣ Байльи, прежнемъ президентѣ Національнаго Собранія, еще болѣе развилось взяточничество, чѣмъ при старомъ режимѣ. Маратъ безстрашно разоблачалъ растраты, — именно, продѣлки г. Бомарше. Слѣдствіемъ этого было то, что общинный совѣтъ не разъ требовалъ Марата для объясненій, а магистратъ велѣлъ задерживать разносчиковъ „Ami du Peuple“. Но возбудить противъ Марата судебное преслѣдованіе все-таки не рѣшились, т. к. боялись разслѣдованія указанныхъ имъ растратъ; дѣло кончилось тѣмъ, что были отрѣшены отъ должности нѣсколько сомнительныхъ общинныхъ представителей.

Планы большей части Національнаго Собранія, сдѣлать избирательное право зависимымъ отъ налогового ценза, нашли въ Маратѣ непримиримаго противника. Онъ энергично требуетъ *полнаго политическаго равенства*

и, какъ одной изъ составныхъ частей его, *равнаго избирательнаго права для всѣхъ совершеннолѣтнихъ французскихъ подданныхъ мужского пола*, рѣшительно отвергая въ то же время финансовый проектъ Неккера, съ его высокимъ обложеніемъ маленькихъ доходовъ.

„Какъ“, восклицаетъ онъ, „для того, чтобы обезпечить капиталы рантье (владѣльцевъ государственной ренты), чтобы содержать пенсіонеровъ короля, бесполезныхъ пословъ, опасныхъ губернаторовъ и комендантовъ, метрессъ, аферистовъ, академиковъ, возлежащихъ на медвѣжьей шкурѣ, покупныхъ софистовъ, продувныхъ шарлатановъ, комедіантовъ, танцоровъ, экс-министровъ и шпионовъ,—для этого должны позволять сдирать съ себя шкуру бѣдные ремесленники, бѣдные рабочіе, бѣдные поденщики, которые никогда ничего не выиграютъ ни отъ министерскихъ плутней, ни отъ революцій?“

Дальше онъ доказываетъ, что необходимо раньше сократить государственные расходы, понизить высокіе оклады, упразднить множество смѣхотворныхъ, высоко оплачиваемыхъ, бесполезныхъ придворныхъ должностей. Потомъ онъ говоритъ по адресу Неккера:

„Онъ трусливо покинулъ народъ и домогался милости предателей отечества. Изъ страха въ третій разъ потерять свое мѣсто, онъ мало-по-малу приблизился къ своимъ врагамъ.

„Я освѣщу этотъ идолъ факеломъ правды, и онъ обратится въ прахъ. Маленькій, тщеславный человѣкъ, твои лавры запятнаны; они никогда уже не зазеленѣютъ. Твое царство пришло къ концу; нельзя соединить славу съ королевскими милостями, нельзя безнаказанно насмѣхаться надъ легковѣріемъ народа. Подобно глухому рокоту воды послѣ бури. слава о твоемъ имени, быть можетъ, будетъ еще нѣкоторое время гремѣть; но напрасно мудрецъ сталъ-бы искать въ тебѣ государственнаго

человѣка; онъ найдетъ въ тебѣ только мошенника, и, даже не будучи пророкомъ, онъ сможетъ предсказать тебѣ участь Ло“.

Въ то же время Марать продолжалъ разоблачать господствовавшую въ парижскомъ городскомъ самоуправленіи продажность. Это было уже черезчуръ для Неккера, Байльи и Лафайета. „Другъ Народа“ былъ пріостановленъ и 8 октября вышелъ приказъ суда округа Chatelet о задержаніи Марата.

Послѣ изданія приказа объ арестѣ, Марать скрывался у различныхъ своихъ политическихъ друзей, и каждый разъ мѣнялъ убѣжище, какъ только начиналъ себя чувствовать тамъ не въ безопасности. Уже спустя нѣсколько недѣль, все еще скрываясь, онъ возобновилъ изданіе своей газеты. 5 ноября 1789 г. уже вышелъ 29-й номеръ его „Друга Народа“, и несмотря на частыя конфискаціи, несмотря на неоднократное обнаруженіе типографій, въ которыхъ газета тайно печаталась, появились одинъ за другимъ свыше 40 номеровъ. 12 декабря 1789 г. убѣжище Марата было, наконецъ, открыто, и онъ предсталъ предъ слѣдственной комиссіей; но послѣ продолжительнаго допроса онъ былъ освобожденъ. Революціонное теченіе опять взяло верхъ въ Парижѣ, и, повидимому, не хотѣли раздражать въ этотъ моментъ парижскую мелкую буржуазію, среди которой Марать, при помощи своей газеты, пріобрѣлъ уже много сторонниковъ.

Эти преслѣдованія со стороны крупной парижской буржуазіи имѣли только то вліяніе на Марата, что онъ все больше сталъ искать опоры въ средѣ мелкихъ ремесленниковъ и рабочихъ. Мы уже раньше видѣли, какъ онъ подчеркивалъ различіе между интересами ремесленниковъ, „ouvriers“ (это обозначеніе обыкновенно примѣнялось въ тогдашней прессѣ, точно такъ же, какъ

и терминъ *maîtres-ouvriers*, къ работающимъ лично мелкимъ ремесленникамъ), наемныхъ рабочихъ и слугъ, и интересами „богатыхъ“ (буржуазіи въ тѣсномъ смыслѣ). Это разграниченіе въ позднѣйшихъ статьяхъ выступаетъ все рѣзче и рѣзче; такъ, напримѣръ, въ № 52 его газеты говорится относительно избирательнаго права (дѣленія народа по степени обложенія на „активныхъ“ и „пассивныхъ“ гражданъ):

„Такого рода представительство страны будетъ отдана опять въ руки богатыхъ, и судьба бѣдняковъ, всегда притѣсняемыхъ, всегда поработенныхъ, никогда не сможетъ улучшиться при помощи мирныхъ средствъ. Воистину, это исчерпывающее доказательство вліянія богатства на законодательство. Но, впрочемъ, законы имѣютъ силу лишь постольку, поскольку народъ желаетъ имъ подчиняться; *и если онъ сломилъ ярмо дворянства, то сумѣетъ сломить также ярмо богатыхъ. Неимущіе также сумѣютъ воспользоваться принципами свободы и равенства, чтобы отнять у богатыхъ ихъ преимущества и награбленное добро, какъ это сдѣлало третье сословіе, разрушивъ привилегіи дворянства.*“

Несмотря на это, Маратъ даже и впоследствии не пришелъ къ требованіямъ, которыя можно было-бы называть социалистическими,—если только не считать социалистическими убѣжденіе, что государство и коммуна обязаны предоставлять работу безработнымъ, или желаніе, чтобы государство на опредѣленныхъ условіяхъ давало въ кредитъ несамостоятельнымъ мелкимъ ремесленникамъ и подмастерьямъ средства для самостоятельнаго обзаведенія.

Но Маратъ не долго пользовался свободой. Его непрерывная борьба противъ деспотизма тщеславнаго мэра Парижа Жана-Сильвена Байльи, противъ продажности парижскаго общиннаго совѣта, противъ финан-

совыхъ проектовъ Неккера и организаціи арміи по плану военного министра Ла-Туръ-дю-Пэна, клонившемуся къ тому, чтобы кромѣ двухсоттысячной милиціи, предназначаемой для военныхъ дѣйствій, создать наемное войско изъ 60,000 человекъ, находящееся въ распоряженіи двора,—все это вскорѣ повлекло къ новымъ преслѣдованіямъ. Высшая судебная инстанція въ Шателе издала новый приказъ объ арестѣ Марата. Судейскіе служители и національная гвардія неоднократно окружали типографію и жилище Марата. 22 янв. 1790 г. даже былъ вытребованъ цѣлый батальонъ, который оцѣпилъ всѣ улицы округа *Cordeliers*, ведущія къ типографіи Марата.

При такихъ обстоятельствахъ Маратъ счелъ за лучшее на время пріостановить свою дѣятельность и бѣжать. Но уже около середины марта онъ вернулся назадъ, и 18 марта 1790 г. сто шестымъ номеромъ своего «Друга Народа» возобновилъ свою страстную критику. Вынужденный постоянно скрываться отъ сыщиковъ Шателе, парижской мэріи и Лафайета, онъ часто проводилъ, не рѣшаясь никуда показаться, цѣлыя недѣли въ погребахъ своихъ друзей или въ какихъ-нибудь другихъ потаенныхъ мѣстахъ, и нажилъ себѣ такой страдальческой жизнью чесотку и опасное воспаленіе глазъ. И все-таки онъ продолжалъ свой газетный походъ, и по ночамъ, при свѣтѣ сальной свѣчи, писалъ въ своемъ убѣжищѣ пламенные статьи, о печатаніи которыхъ уже заботились его близкіе друзья; они-же доставляли ему и пищу.

Невозможно прослѣдить газетную кампанію Марата во всѣхъ ея деталяхъ; по мѣрѣ ея развитія, онъ становился все болѣе энергичнымъ и послѣдовательнымъ борцомъ за интересы крайней демократіи и права низшихъ народныхъ слоевъ. Такъ, напр., съ блестящей діалектикой онъ нападаетъ въ нѣсколькихъ номерахъ на принятый 22 мая Національнымъ Собраніемъ законъ,

которымъ рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ отдается въ руки короля, т.-е. придворной камарильи. Затѣмъ онъ выступаетъ противъ попытокъ лишить бѣднѣйшіе парижскіе округа вліянія на парижскую національную гвардію и сдѣлать изъ нея покорную буржуазіи преторіанскую гвардію. Онъ требуетъ, чтобы окружные коменданты (батальонные командиры) національной гвардіи избирались окружными общинами (общимъ собраніемъ всѣхъ гражданъ отдѣльныхъ округовъ), а генеральный комендантъ и государственный маіоръ соединенными представителями всѣхъ 48 округовъ; онъ требуетъ преданія гражданскому суду за всѣ военные проступки, не относящіеся къ внутреннимъ служебнымъ отношеніямъ. Затѣмъ онъ требуетъ равнаго избирательнаго права для всѣхъ совершеннолѣтнихъ безъ различій по налоговому обложенію; онъ домогается этого для всѣхъ выборовъ,—какъ для выборовъ въ Національное Собраніе, такъ и для избранія общинныхъ, окружныхъ и департаментскихъ представителей.

Такъ же радикальны его требованія въ области налоговой политики. Въмѣсто различныхъ квартирныхъ, промысловыхъ и подоходныхъ налоговъ, онъ предлагаетъ единый, сильно-прогрессивный подоходный налогъ. Для холостяковъ налогъ этотъ долженъ, по его предложенію, начинаться съ дохода въ 1200 франковъ, для семейныхъ съ дохода въ 2400 франковъ; кромѣ того, сумма налога для такихъ плательщиковъ, которые должны кормить большую семью, уменьшается на 50%.

Такого рода предложенія, конечно, не нравились буржуазіи, тѣмъ болѣе, что Марать въ своей газетѣ безпощадно разоблачалъ и высмѣивалъ ея парламентскихъ представителей.

Уже въ концѣ 1790 года Марать пытается доказать, что Мирабо тайно интригуетъ противъ правительства и

подкупленъ дворомъ. А Лафайета, чтимаго народомъ генерала „Моттье“, „шута двухъ міровъ“, какъ Марать его называетъ, онъ обвиняетъ въ томъ, что онъ конспирируетъ съ генераломъ Буйлье въ интересахъ двора: обвиненіе, которое, какъ извѣстно, было потомъ вполне подтверждено мемуарами Буйлье.

Въ особенности Лафайетъ сталъ мишенью его насмѣшекъ послѣ бѣгства короля; а когда 17 іюля 1791 г. этотъ отвратительный арлекинъ инсценировалъ вмѣстѣ съ Байльи бойню на Марсовомъ полѣ, то удары бича посыпались градомъ на эту опереточную фигуру Французской революціи.

Наступившую послѣ бойни на Марсовомъ полѣ реакцію Марать сначала встрѣтилъ стойко, несмотря на то, что значительная часть революціонныхъ партійныхъ вожakovъ бѣжала, типографія „Друга Народа“ была разрушена и завѣдывавшая дѣлами Марата дѣвица Коломбъ, по приказу Байльи, была посажена въ тюрьму. Въ началѣ сентября 1791 г. Марать, почти ослѣпшій и, вслѣдствіе постоянныхъ преслѣдованій и волненій, истощенный физически, рѣшилъ, наконецъ, прекратить борьбу и добывать средства къ существованію врачебной практикой въ Лондонѣ. Въ номерѣ отъ 11 сентября 1791 г. онъ элегически заявляетъ:

„Народъ со времени бойни на Марсовомъ полѣ умеръ; напрасно старался я разбудить его къ новой жизни, и вотъ я также ухожу и устраниюсь, вѣроятно, навсегда...

„Я ухожу безъ денегъ, безъ помощи, безъ средствъ въ тотъ единственный уголокъ земного шара, гдѣ мнѣ позволено будетъ спокойно дышать; я ухожу, преслѣдуемый крикомъ клеветниковъ, заподозриваемый тѣми публичными негодяями, которыхъ я разоблачилъ, награжденный проклятіями всѣхъ враговъ отечества, презираемый всѣми великими сего міра и всѣми почетными

особами, и разсматриваемый во всѣхъ министерскихъ кабинетахъ, какъ „чудовище, которое должно бытъ уничтожено“.

21 сентября Марать окончательно прощается со своими читателями и отправляется сначала въ Амьенъ; но когда онъ тамъ почувствовалъ себя нѣсколько лучше и услышалъ, что политическимъ бѣглецамъ дана амнистія, его боевая натура погнала его обратно въ Парижъ, на политическую арену.

Скоро его газета опять сдѣлалась передовымъ бойцомъ. Когда въ срединѣ 1792 г. сталъ приближаться моментъ рѣшительной борьбы между королевской властью и революціей, газета Марата стала особенно энергично призывать массы къ борьбѣ. Приведу лишь нѣсколько образчиковъ изъ его статей 1792 г., напечатанныхъ за четыре недѣли до возстанія 10-го августа:

„Революція обратилась противъ народа и сдѣлалась для него величайшимъ несчастіемъ. Съ самаго начала революція была ничѣмъ инымъ, какъ вѣчнымъ поводомъ къ подкупамъ и комплотамъ. Для государственныхъ чиновниковъ она скоро сдѣлалась поводомъ къ угнетеніямъ, и даже для законодателей она была лишь удобнымъ случаемъ, чтобы обманывать и притѣснять; а теперь ею пользуются богатые, чтобы извлечь всѣ выгоды изъ своей ростовщической и грабительской системы на погибель народа...“

„Перемѣнились только декорации на сценѣ государства, актеры-же, маски, интриги, пружины, приводящія все въ движеніе, остались прежніе; и вся эта политическая игра будетъ до тѣхъ поръ неизмѣнной, пока народъ не прозрѣетъ настолько, что накажетъ всѣхъ этихъ обманывающихъ его мошенниковъ.“

„Первая и важнѣйшая причина безсилія нашихъ стремленій къ свободѣ лежитъ въ самой природѣ свободы.“

„Плебсъ, т. е. низшіе классы націи, которые въ борьбѣ съ высшими классами предоставлены самимъ себѣ, въ моментъ возстанія, правда, подчиняетъ себѣ все своей численностью, но лишь затѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ опять покориться, такъ какъ онъ всегда лишенъ проницательности, знаній, средствъ, оружія, руководителей, плана дѣйствій. Такъ, именно, и было съ Французской революціей. Неправда, будто вся нація поднялась противъ тирана; ибо дворянство, духовенство, сословіе правовѣдovъ, капиталъ, ученый міръ, литература все еще остались его опорой и защитнымъ валомъ. Если-же образованные, имущіе и честолюбивые выходцы изъ низшихъ классовъ и пошли сначала противъ тирана, то лишь для того, чтобы, заручившись довѣріемъ народа и воспользовавшись его силами, обратиться противъ него и занять мѣсто свергнутыхъ ими привилегированныхъ сословій“.

Затѣмъ идутъ разсужденія о неудачной прежней политикѣ Національнаго Собранія и о партійныхъ расколахъ:

„Жадность и алчность опять раздѣлили гражданъ на партіи, послѣ того какъ они, побуждаемые общей опасностью и заботой о собственномъ благѣ, согласились вначалѣ дѣйствовать единодушно противъ общаго врага. Едва лишь они успѣли обезпечить неприкосновенность своей личности и своего имущества, какъ стали опять—послѣ взятія Бастиліи—добычей своихъ прежнихъ низменныхъ страстей. Когда художники, представители болѣе тонкихъ ремеселъ, купцы и спекулянты замѣтили, что благодаря революціи уменьшились ихъ барыши, они тотчасъ-же пожелали возстановить господство придворныхъ, кровопійцъ, баловней фортуны и мотовъ, и жажда золота тотчасъ-же заставила ихъ отдаться на службу интересамъ прежнихъ господъ“.

Въ другомъ мѣстѣ Марать говоритъ о недостаткахъ тогдашняго французскаго народа: его нечѣжествѣ, его наивномъ оптимизмѣ, его неразуміи, его непостоянствѣ, его дѣтскомъ себялюбіи и пристрастіи къ театральнымъ эффектамъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ: „Чамъ никогда не удастся сдѣлаться свободными. Мы единственный въ мірѣ народъ, вообразившій, что пышными рѣчами, парадными, праздниками и пѣснями можно укрѣпить революцію; единственный въ мірѣ народъ, который, желая поставить своихъ угнетателей въ рамки всеобщаго равенства, позволилъ имъ хитростью овладѣть народными собраніями и всѣми вліятельными мѣстами.“

„Какой фарсъ! Какъ могли вы хоть на одинъ моментъ дать обмануть себя привилегированнымъ сословіямъ, которыя всегда были у насъ опорой деспотизма, когда они напартіи несчастныхъ вѣшали въ вѣчной дружбѣ!“

„Мы все братья!“ кричали вы, танцуя на федеральномъ праздникѣ. Неужели вы думаете, что пустыми моральными принципами можно было измѣнить ихъ склонности, ихъ привычки, ихъ нравы и ихъ страсти? Что простой клятвой можно передѣлать ихъ сердце, дать имъ новую душу?

„Изъ всѣхъ народовъ земного шара Французы, можетъ быть, тотъ народъ, который наименѣе любитъ свободу. Далекіе отъ того, чтобы любить ее какъ высшее благо, они ее даже вовсе не знаютъ; за исключеніемъ очень небольшого числа просвѣщенныхъ личностей, всѣ прочіе не имѣютъ о ней никакого представленія; они постоянно смѣшиваютъ ее съ произволомъ или же не доводятъ ее до тѣхъ размѣровъ, при которыхъ ненарушимо осуществлялись-бы всѣ ихъ права.“

„Но если-бъ они даже знали ее въ совершенствѣ, то все-таки почти всѣ предпочли бы ей богатство, знаки отличія, должности и стремленіе къ господству. Если

исключить, такимъ образомъ, нѣсколько людей съ характеромъ, нѣсколько людей мужественныхъ и безстрашныхъ въ служеніи добру, готовыхъ пожертвовать собой для блага челоуѣчества, то можно смѣло сказать: вся нація состоитъ изъ хвастуновъ, трусовъ, слабосильныхъ, скупцовъ, лишенныхъ добродѣтели и энергіи эгоистовъ, изъ дрянныхъ душъ, недостойныхъ свободы, достаточно низкихъ, чтобы продать себя какому-нибудь господину, и достаточно подлыхъ, чтобы угнетать своихъ согражданъ“.

И дальше:

„За исключеніемъ нѣсколькихъ трагическихъ сценъ, вся революція была почти ничѣмъ инымъ, какъ рядомъ арлекинадъ.“

„Въ продолженіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ послѣ взятія Бастиліи можно было видѣть, какъ гражданскіе батальоны, гордые своими мундирами, обезьянничая старались держаться по военному, ежедневно проходили маршемъ, чтобы дать на себя полюбоваться, бѣгали въ сопровожденіи дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлое, въ соборъ освящать свои знамена, или съ воинской помпой и подъ звуки военной музыки устраивали процессіи ношенія освященнаго хлѣба.“

„За три недѣли до перваго федераціоннаго праздника всѣ жители столицы, облачившись въ воскресныя платья, въ дикой сумятицѣ переворачивали все вверхъ дномъ, тащили телѣги, распѣвали оскорбительныя для аристократовъ насмѣшливыя пѣсенки и танцовали подъ звуки любимаго припѣва „са іга, са іга“.“

„Но самыя фантастическія церемоніи происходили въ Національномъ Собраніи. Въ продолженіе трехъ лѣтъ туда сбѣгались многочисленныя депутаціи со всѣхъ концовъ королевства, граждане, поздравлявшіе Собрание съ его бессмертными трудами, желавшіе ему успѣха въ

его мудрых постановленійхъ, убившихъ страну на конституціонномъ основаніи, въ сладостномъ пользованіи свободой, которой они не понимали, въ возвышеніи государства, которое къ тому времени стало жертвой раздоровъ, нищеты, голодной нужды и анархіи“.

Революція 10-го августа положила конецъ жалкой изгнаннической жизни Марата. Онъ устроился въ улицѣ Cordelier, № 30, былъ избранъ делегатомъ въ общинный совѣтъ и Конвентъ и скоро сталъ играть выдающуюся роль въ парижской коммунѣ. „Ami du Peuple“ 21 сентября 1792 г. превратился въ „Journal de la République Française“, поведшій энергичную борьбу противъ жирондистской контръ-революціи. Скоро жирондисты стали считать Марата своимъ опаснѣйшимъ врагомъ, въ особенности, когда онъ выступилъ за установленіе таксы на хлѣбъ и указалъ народу на хлѣботорговцевъ, какъ на повышателей цѣнъ. Такъ, напр., 25-го февраля 1793 г. газета Марата писала, на основаніи доклада Шометта о недостаткѣ жизненныхъ припасовъ въ Парижѣ, сдѣланнаго наканунѣ генеральному совѣту коммуны:

„Во всякой странѣ, гдѣ право народа не пустая фраза, красующаяся лишь для показу на бумагѣ, тотчасъ-же разгромили бы нѣсколько лавокъ и повѣсили на дверныхъ косякахъ барышниковъ, и этимъ положили-бы конецъ тѣмъ безчестнымъ манипуляціямъ, которыя доводятъ до отчаянія пять милліоновъ людей и обрекаютъ тысячи на голодную смерть. Неужели народныя представители только и ограничатся болтовней о бѣдственномъ положеніи и не предложатъ какого-нибудь дѣйствительнаго средства для облегченія народной нужды?“

Спустя нѣсколько дней Маратъ пишетъ:

„Не подлежитъ спору, что капиталисты, маклера и монополисты почти всѣ являются опорой стараго режима. Такъ какъ я не вижу никакого средства, чтобы

измѣнить ихъ помыслы, то для обезпеченія государству спокойствія не могу придумать ничего другого, кромѣ полного уничтоженія этого проклятаго заговора. Онъ удваиваетъ теперь свою энергію, чтобы превышающими всякую мѣру цѣнами на хлѣбъ, необходимѣйшій жизненный предметъ, довести народъ до полной нищеты. Если-бы дѣйствительно не существовало закона, могущаго покарать монополистовъ, то народъ имѣлъ-бы право взять въ свои руки правосудіе“.

Это дьявольское „беззаконіе“ приводило жирондистскую буржуазію еще въ большее негодованіе, чѣмъ всѣ другія требованія Марата.

Его требованіе, положить конецъ вздуванію цѣнъ или, какъ они это называли, „естественнымъ законамъ торговли“, казалось буржуазіи уничтоженіемъ всякой члвчды, „грозатамъ и ужасамъ“ . Но въ настоянію, Маратъ долженъ былъ предстать предъ революціоннымъ трибуналомъ по обвиненію въ „возбужденіи къ кровопролитію и убійствамъ“; но 24 апрѣля 1793 года онъ былъ оправданъ, и присутствовавшіе при разборѣ дѣла съ триумфомъ вынесли его на плечахъ изъ залы суда.

Одиннадцать недѣль спустя его заколола кинжаломъ фанатичная жирондистка Шарлотта Кордэ.

Лишь очень небольшая часть газетной литературы эпохи великой классовой борьбы 1789—1793 г.г. могла быть разсмотрѣна въ нашемъ очеркѣ. Матеріалъ слишкомъ великъ, область обсуждавшихся въ прессѣ того времени проблемъ и возрѣній слишкомъ обширна, чтобы на нѣсколькихъ листахъ возможно было сообщить хотя-бы самое важное. Пришлось совершенно отказать отъ характеристики еженедѣльника „Révolutions de Paris“, теоретическаго обзорѣнія крайняго яко-

бинизма, которое имѣло почти большее еще вліяніе на развитіе демократическаго движенія въ Парижѣ, чѣмъ какое имѣла „Neue Zeit“ въ два послѣднихъ десятилѣтія на развитіе социалистической теоріи въ Германіи; пришлось это сдѣлать просто потому, что на протяженіи какихъ-нибудь десяти или двѣнадцати печатныхъ страницъ невозможно обрисовать положеніе этого изданія среди революціонной журналистики того богатаго событіями времени. Пусть читатель представитъ себѣ только, что черезъ сто слишкомъ лѣтъ какому-нибудь писателю будетъ поставлена задача изобразить на пространствѣ одного печатнаго листа отношеніе „Neue Zeit“ къ современнымъ политическимъ вопросамъ и вліяніе ея на социалистическое движеніе, и сдѣлать это, къ тому же, для поколѣнія, у котораго почти совершенно отсутствуетъ близкое знакомство съ обстоятельствами, среди которыхъ возникли статьи „Neue Zeit“ и къ которымъ онѣ относятся, сдѣлать это для новаго рода людей, который привыкъ совершенно иначе мыслить. Для того, напр., чтобы читатель XXI столѣтія понималъ отношеніе „Neue Zeit“ къ современной политикѣ профессиональных союзовъ или къ извѣстнымъ направленіямъ въ экономической теоріи, его слѣдовало-бы прежде всего ознакомить съ сущностью современнаго профессиональнаго движенія и съ этими политико-экономическими теоріями, въ ихъ противоположности марксизму. То же самое можно сказать и о „Révolutions de Paris“. Чтобы правильно понять все сказанное этимъ органомъ о парижскомъ народномъ движеніи, о реформѣ крестьянскихъ земельныхъ отношеній, о финансовомъ положеніи Франціи, о правовой и судебной реформахъ и т. д. нужно прежде всего знать тѣ отношенія, о которыхъ его статьи трактуютъ.

Но какъ ни велики пробѣлы въ данномъ нами об-

зорѣ французской прессы періода 1789—1793 г., онъ все-же рисуетъ намъ революцію, какъ великую борьбу противоположныхъ интересовъ, — не только борьбу между дворянствомъ, духовенствомъ и т. называемымъ „третьимъ сословіемъ“, но и не въ меньшей степени между различными слоями буржуазіи и пролетарскими группами. Вначалѣ, правда, въ „третьемъ сословіи“ господствовало, несмотря на обнаружившіяся уже въ первые мѣсяцы послѣ открытія генеральныхъ штатовъ классовыя различія, извѣстное единомысліе. Борьба съ реакціей и шаткость политическаго положенія заставляли эти разнородныя по стремленіямъ группы держаться вмѣстѣ. Но едва только буржуазія достигла рѣшающаго вліянія на законодательство и управленіе, и рѣчь пошла уже не о простомъ дискутированіи всякаго рода красивыхъ, свободолюбивыхъ принциповъ, а о примѣненіи ихъ къ практическимъ задачамъ управленія, облеченіи ихъ въ законопроекты, какъ повсюду въ буржуазной массѣ стали проступать политическія противорѣчія.

Теперь, когда дѣло дошло до практическаго испытанія возвѣщенныхъ политическихъ принциповъ, оказалось, что разныя группы связывали съ ними совершенно различныя понятія и требованія. Либеральный конституціонализмъ раздробился на всевозможныя обособленныя теченія. Уже въ концѣ 1791 г. отъ якобинства начинается отдѣляться жирондистское, а позднѣе и дантонистское направленія. Скоро они становятся по отношенію къ нему въ самую рѣзкую оппозицію. Но и „очищенный“ этими отпаденіями якобинизмъ не былъ чѣмъ-то единымъ. Рядомъ съ умѣреннымъ робеспьеровскимъ направленіемъ, которое защищало преимущественно интересы зажиточной демократической мелкой буржуазіи, стоитъ болѣе радикальный „маратизмъ“; а рядомъ

съ этимъ крайне-демократическимъ теченіемъ стоитъ индивидуалистически-анархистствующее направленіе, которое въ Геберѣ нашло своего главного публициста и въ Анахарсисѣ Клоотцѣ своего теоретика. Эти противорѣчія формируются въ боевыя программы. Умѣренно-якобинской партіи, достигшей господства въ Комитетѣ общественной безопасности и Комитетѣ общественаго спасенія, противостояло въ Парижѣ „ультра-революціонное“ направленіе, овладѣвшее парижскимъ городскимъ управленіемъ.

Но и этимъ не исчерпывается расколъ; въ самой парижской коммунѣ также развиваются борющіяся другъ съ другомъ партійныя группы. Рядомъ съ мелкобуржуазно-ригористическимъ, можно почти сказать, атеистически-пуританскимъ теченіемъ Шометта достигла вліянія анархистствующая группа Гебера и Клоотца, а къ этой группѣ, въ свою очередь, стала въ рѣзкую оппозицію мелкобуржуазно-соціалистическая группа Ру и Леклерка. Борьба коммуны съ жирондистами и дантонистами, а позднѣе съ робеспьеровскимъ правленіемъ, не дала вполнѣ развиться этимъ противорѣчіямъ. Еще раньше, чѣмъ дѣло дошло до ясно выраженного конфликта, руководители ультра-революціонеровъ вззошли на эшафотъ. Почти несомнѣнно, однако, вотъ что: если-бы парижская коммуна могла свободно развиваться, представленныя въ ней радикально-революціонныя группы показали бы міру такой-же примѣръ кровавой борьбы, какъ и революціонныя партіи Конвента.

Присяжные историки сводятъ эту внутреннюю борьбу въ „третьемъ сословіи“ къ соперничеству вожаковъ, вынуждавшему ихъ будто бы, льстить „инстинктамъ массъ“ и устранять противниковъ.

Такъ какъ историки, большей частью, не понимаютъ экономическихъ основаній партійныхъ группировокъ,

связи политической идеологіи партій съ положеніемъ, занимаемымъ представителями ихъ въ народномъ хозяйствѣ, и видятъ только, что вожаки этихъ партій борются другъ противъ друга, то они и приходятъ къ заключенію, что соперничество партійныхъ вождей было причиной политическихъ раздоровъ. Этотъ наивный взглядъ разбивается самымъ рѣшительнымъ образомъ, если мы прослѣдимъ, по печати того времени, партійную борьбу, съ первой ея стадіи и до конца ея — на эшафотѣ. Ясно обнаруживается: не взаимная личная вражда является причиной партійныхъ дѣленій и партійной борьбы, но, наоборотъ, первопричиной являются проступающія наружу, по мѣрѣ развитія революціи, различныя политическія воззрѣнія. И только на почвѣ этихъ политическихъ разногласій уже вырастаетъ личная вражда. Находившіеся прежде въ дружескихъ отношеніяхъ вожди партій перестаютъ понимать другъ друга, различное пониманіе возникающихъ политическихъ вопросовъ разобщаетъ ихъ, и такъ какъ имъ, большей частью, не представляются ясно настоящія, болѣе глубокія причины ихъ разногласій, то они обвиняютъ другъ друга въ перемѣнѣ убѣжденій и партійномъ предательствѣ. Конечно, среди революціонныхъ вождей были и такіе, политическое поведеніе которыхъ обуславливалось въ меньшей степени ихъ принципами, чѣмъ честолюбивымъ желаніемъ играть политическую роль. И все-таки, излюбленный пріемъ, — сводить распаденіе первоначальнаго якобинизма на разныя теченія къ личному соперничеству вождей, — по существу такъ-же нелѣпъ, какъ если-бы въ будущемъ какой нибудь историкъ, не будучи въ состояніи понять современныя принципиальныя разногласія, сталъ бы утверждать, что партійная борьба между соціаль-демократіей, свободомыслящими, національ-либералами и т. д. въ концѣ девятнадцатаго

столѣтія имѣла своимъ основаніемъ только то, что Бель, Евгений Рихтеръ, Риккертъ и Бассерманъ не могли поладить другъ съ другомъ.

Итакъ, что-же является причиной всѣхъ этихъ партійныхъ дѣленій и партійныхъ раздоровъ? Различныя классовыя группировки и вытекающія отсюда, болѣе или менѣе рѣзко выраженные, классовыя противорѣчія. Кто прослѣдитъ взгляды главнѣйшихъ журналистовъ и политиковъ революціи, съ момента ихъ появленія на революціонной сценѣ до ихъ ухода, тотъ скорѣе всего найдетъ, что позднѣйшее ихъ поведеніе есть только прямое слѣдствіе ихъ основныхъ воззрѣній, и что въ томъ случаѣ, если у кого-нибудь изъ нихъ, по мѣрѣ развитія хода вещей, и наступаетъ реакція противъ дальнѣйшаго поступательнаго шествія революціи, то эта реакція происходитъ потому, что революція грозитъ перешагнуть область защищаемыхъ ими классовыхъ интересовъ и принести послѣдніе въ жертву интересамъ другихъ классовыхъ группъ.

Но именно поэтому такъ поучительно изученіе партійной борьбы того времени, какъ она отразилась въ тогдашней прессѣ. Это изученіе, до извѣстной степени, демонстрируетъ намъ историческими фактами марксовскую теорію классовой борьбы, и показываетъ намъ, до какой степени неудовлетворительно то пониманіе классовой борьбы которое признаетъ лишь противоположность интересовъ рабочаго класса, буржуазіи и крупнопомѣстнаго дворянства, и ничего не хочетъ знать о классовыхъ расчлененіяхъ и расходящихся тенденціяхъ внутри социаль-демократической рабочей массы. Ложность этого воззрѣнія будетъ со временемъ такъ-же доказана исторіей, какъ доказана революціоннымъ движеніемъ 1790 — 1794 г.г. несостоятельность теоріи *единства* „*tiers état*“.

Тематически связанные материалы:

Д.Ростиславлев. Из истории журналистики периода якобинской диктатуры. О некоторых особенностях газеты Ж.-Р.Эбера «Пер Дюшен»

К.Раткевич. Газеты Великой французской революции

В.Дорошевич о журналистах Великой французской революции - в публикации С.Букчина

Ю.Попов. Публицисты Великой Французской революции

В.Чистяков. К.Демулен Публицист

Ю.Божор. Политическая и литературная деятельность Мари-Жозефа Шенье в годы Великой французской революции

Ж.-П.Марат. Памфлеты

А.Ольшевский. Жан-Поль Марат. Друг Народа